

1965

16 января

На Пахре. Читаю всякую «фантастику», Хемингуэя и вяло перевожу. На дворе умеренный мороз и волшебная красота ясного неба и глубокого чистого снега. Ели и сосны в царском убранстве. В «Литературной газете» моя статья о преподавании русского языка в школе, написанная ещё в декабре. «Пути поэтов» пошли в производство.

17 января

Приходится признать, что фантастика может и должна стать самым живым и многообещающим жанром. Кажется, на Западе, особенно в Америке, это уже произошло. Произойдёт и у нас. Американцы прокладывают дорогу. В чём тут секрет, я пытаюсь понять и внятно сформулировать.

Дело в том, что авторам этих рассказов приходится непрестанно изобретать, выдумывать, а говоря шире, приходится думать: думать не за страх, а за совесть. Прodelывать такую же работу, какую обязан производить всякий открыватель истины, т.е. прежде всего учёный. И во всём остальном полная свобода! Свобода от тенденции, от предвзятости, от образцов, от эпигонства, наконец, от реализма, который сушит мозг и насилует душу.

Американцы хороши тем, что у них техники и научной терминологии ровно столько, сколько требуется по ходу действия (чтобы не потерять доверия). Даже и очень талантливый писатель слишком загромождает себя псевдонаучной аппаратурой. Американцы же при этом не забывают ни природы, ни души, ни сатиры, ни юмора, ни нежности.

С особым волнением я читаю вещи, которые связаны с проблемой времени, о путешествиях во времени. Все эти вещи так или иначе соотносимы с Уэллсом¹, конечно, однако острая новизна и свежесть в том, как трактуется соотносительность времени. В каждом из этих рассказов своя мера глубины и бездны, прежде всего, своя человечность. Именно она решает дело.

Ещё и ещё раз! Это очень многообещающая литература.

Наконец, я радуюсь тому, что в «Четвёртом измерении» оказался (до некоторой степени) в том же фарватере. Вся «Нефертити» – это трактат об относительности времени.

18 января

Закончил с божьей помощью начатый в начале месяца перевод длиннейшего стихотворения Гюго, его знаменитый «Ответ на обвинительный акт», своего рода литературный манифест романтика. В нём много самохвальства и претензий и вообще он страшно растянут: 234 строки, шутка ли сказать, и всё парные александрии. Переводил, скучая и всё время спрашивая себя: «Зачем я это делаю?..» Только что перепечатал на машинке и вижу, что в целом получилось. Энергия передана.

21 февраля

Вчера мы вернулись на Пахру после почти недельного пребывания в Москве. Оно было очень тревожным в связи со здоровьем Зои. Опасения были самые страшные. И вот

с вечера среды до вчерашнего утра она провела в больнице; ей сделали операцию. Результат хороший. <...> А она, бедняжка, скрывая свои муки, одиноко переживала их в течение такого длительного времени, была уже в полном отчаянии и мраке. Этим, оказывается, объяснялись и её крайняя нервность, и худоба, и раздражительность от присутствия чужих людей. Между тем, когда это почему-либо оказывалось необходимо, она великолепно держала себя в руках, казалась весёлой и общительной, занимала гостей. Это характер удивительной силы, прямо противоположный моему.

Но вот, слава богу, весь этот ужасный период в прошлом. Зоя немедленно принялась за работу, за скульптуру Макбета с тремя ведьмами, поёт внизу, в тамбуре.²

А я у себя наверху в предчувствии рабочего состояния почитываю дневник Гонкуров.³ Чтение весьма поучительное!

Часть моих переводов Бодлера⁴ возвращена с множеством замечаний рецензентов (Эткинда, Левика, Песиса⁵). Некоторые из них справедливы, и мне предстоит немалая и кропотливая работа, чтобы сделать исправления.

Сегодня в “Правде” статья редактора Румянцева⁶ «Партия и интеллигенция», по сути очень важная, хотя и повторяющая общеизвестные истины о том, как надо беречь интеллигенцию научную и художественную. Это полтора подвала с соответствующими цитатами из Ленина и партийных документов двадцатых годов.

Всё дело в том, насколько симптоматично появление такой статьи. На этот счёт нет никакой уверенности. У правительства (или, как принято говорить, у руководства) нет никакой ясной линии поведения, всё зыбко, случайно, шатай-валяй... Говорят, Румянцев умный человек, к тому же сейчас он редактор “Правды”. А чем он окажется завтра, если в ЦК всё ещё существует Ильичёв или даже Поликарпов? Рядом с его статьёй в той же “Правде”, статья Абалкина⁷ о нагибинском фильме, совершенно идиотическая, противоречивая, вся состоящая из оговорок. Единственное, что в ней явно, – стремление снивелировать сильное впечатление от этой картины, её успех.

22 февраля

В “Литературной газете” мне предложили писать о дневнике Гонкуров, который недавно вышел в двух томах. Я сдуру согласился. Сейчас дочёл только первый том. Что и говорить, явление замечательное, возбуждает массу противоречивых мыслей, относящихся и не относящихся к литературе и искусству. Я ещё не разобрался в них, в своём отношении к книге, в своих впечатлениях. Познательно «Дневник» очень богат. Он ведётся в самом сердце XIX века, в нервном узле его тревог и при этом в самой показательной для XIX века стране – во Франции. Гонкуры крайне самомнительны, но если бы они были другими людьми, скромнее в самооценках и терпимее к ближним, дневник потерял бы многое. Как писать о нём, под каким углом, что вырвать из контекста, на чём сосредоточиться? Для меня ещё не решено буду ли писать о нём. Может быть, это мне и не нужно, не по пути?

В Москве мне позвонил Лев Левин⁸ и весьма деликатно предложил писать обо мне книжку в 6-7 печатных листов для “Советского писателя”. Предложение было настолько неожиданно, что я сначала обомлел, растрогался... Конечно, я выразил согласие и благодарность. <...> Может быть, Левин и не слишком глубокий человек, но как критик с беллетристическим уклоном он мне нравится. Он способный. Я берусь во многом ему помочь. Втайне я исхожу из гордого предположения, что представляю из себя очень

интересную и не затрёпанную тему: обо мне много можно написать! И по разным направлениям: театр, поэзия, педагогика, литературоведение, перевод – вот уже пять дорог, и каждая из них – нечто отдельное и своё.

С начала этого года, а может быть и раньше, я потерял рабочее состояние, в котором очень крепко и устойчиво находился и в конце 63-го и весь 64 год. Потерял и... даже и не ищу утерянное. Стихи решительно не идут, а проза и того хуже. Сделал недавно два перевода <...>, но оба случайны и слабоваты, без внутреннего трепета и удовлетворения.

Может быть, причина в том, что дурно себя чувствую: спина сильно побаливает и во всей физике какой-то упадок, какая-то вялость. Но и не только физика виновата, а и общая растерянность: я не знаю, куда двигаться дальше. Флирт с философией времени, с точной наукой, с естествознанием, видимо, должен быть прекращён, потому что повторяться неинтересно.

Хорошо бы приняться за большую, капитальную вещь, с ясно обозначенными фигурами, с их яркими и динамическими взаимоотношениями, с сюжетом. Но легко мечтать! Ведь это ещё надо выдумать, пережить, экстрагировать из собственной памяти. Какие они, эти фигуры, какая сила вызовет их на внутреннюю, во мне существующую сцену?

Почему так легко, не задумываясь писал я летом и осенью три рассказа о Лермонтове? Чем кормился этот душевный подъём, эта вера в свои силы? Или в марте-апреле прошлого года, что погнало меня на Нефертити? Это очень праздные вопросы... особенно праздные именно сейчас, когда находишься в таком упадке. <...>

Несколько дней назад Межиров⁹ написал очень странную статью в “Комсомольской правде”. Я слышал о ней ещё в Москве, а сегодня прочёл у Нагибиных. Хваля какого-то поэта из “Юности”, он обрушивается (мало вразумительно) на Беллу и Вознесенского¹⁰. Особенно на Беллу, упрекая её в измене самой себе, чуть ли не в фальши, в потакании чуждым вкусам. Подоплёки этой выходки я понять не могу. Всякого рода неодобрительные отзывы об Ахмадулиной я давно уже слышал от него. Но они были в пределах литературно-вкусового недовольства. Но напечатанная строка сразу придаёт другой характер сказанному. <...> И не все имеют право судить-рядить по поводу своего ближнего, особенно если речь идёт о печатном слове!

Вчера встретил Твардовского. Он был уже изрядно выпивший и гулял в поисках дома, где можно выпить ещё. Мы с Зоей постояли с ним, сетуя, что у нас теперь не водится водка, и только что расстались с ним и двинулись дальше, как навстречу бежит его жена. Очевидно, чтобы спасти и уберечь бедного человека от дальнейших приключений. Но день был воскресный, и он не уберётся – побывал у Нагибиных и, кажется, даже у Цезаря Солодаря¹¹, а закончил это странствие, конечно, у старого своего друга Ореста Верейского, жена которого страшно страдает в таких случаях. Равно как и жена самого Твардовского.

Я убеждён, что бóльшей беды для нашего брата, чем пьянство и запой, не существует. Это хуже всякой болезни. Судьбы Володи Луговского и Фадеева всегда перед глазами. Оба они сгорали и сгорели, а помочь им не мог никто.

23 февраля

Надо сознаться: критика моих рецензентов (по Бодлеру) вполне справедлива. Почти все переводы нуждаются в радикальных переделках. Речь идёт об отдельных строфах и о системе образов. Это означает, что Бодлер в основном чужой для меня поэт, и я взял на

себя работу, которая мне не по силам и не по сердцу. Пока никаких выводов делать не буду, потому что добросовестно (по мере сил) тружусь и стараюсь убрать свои ошибки и просчёты.

Зоя заканчивает своего Макбета с ведьмами и хотя ей ещё далеко до конца, уже задумала делать Дон Кихота¹² у ветряных мельниц. При этом она высказала очень интересную мысль: делать мельницы такими, как их представляет себе Дон Кихот, т.е. фантастическими полумельницами-полувеликанами. Это интересно, потому что все иллюстраторы вплоть до Доре¹³ иллюстрировали роман с точки зрения Санчо Пансы. Никому не пришёл в голову обратный путь.

... Вечером, часов в 9, неожиданно приехали Женя Евтушенко с Галей¹⁴. Обоих мы очень давно не видели. Хоть и встречались на ходу где-нибудь в ЦДЛ или в какой-то редакции, но это не могло идти в счёт. Они пробыли у нас до 12 часов ночи. Тут были и стихи его, отрывки из поэмы, которую читали все 12 членов Секретариата ЦК, и другие новые стихи, и рассказ о терзаниях в связи с поэмой, о весьма странном разговоре с Ильичёвым, и ещё многое.

Я убеждён, что при всех возможных вариантах судьбы этот человек, как бы ни был измучен, взнервлён, как бы ни пытались его сбить с пути, всё равно выдержит любое испытание. Он очень щедро одарён. Ему никуда не следует спешить. Ему тридцать два с половиной года, а за плечами не только много пережитого, но ещё больше и сделанного, и в сущности его дело уже выиграно. Его знает чуть ли не весь мир. Слава, которой не было ни у Маяковского, ни у Есенина.¹⁵ Ошеломляющий успех сопровождает каждое его выступление. Его боятся, и потому косятся на каждую строфу. Боятся и потому печатают в сущности больше, чем кого-либо другого. В основном психика у него здоровая и устойчивая. Ведь другой на его месте давно уже свихнулся бы или катастрофически запил бы. Так нет же! Он и выпить не дурак, и падок на успех (по-женски, по-актёрски), и нервен (а ещё бы не быть нервным!), но главное в нём, коренное и неистребимое, остаётся в силе. Всё это я внушал ему сегодня. Ибо, как всякий человек такого возраста, он сам плохо знает себя и, случается, готов пасть духом, отчаяться.

Единственное, что он должен, по-моему, делать – это сдерживаться: не торопиться с какой бы то ни было публикацией, не стараться всё время быть на виду, может быть, и писать меньше и реже. Никакой рост не бывает непрерывным, а он уже вырос достаточно и внутренне, душевно (как поэт) и тем более внешне (по легко завоёванным позициям).

Не знаю, с чьей судьбой, кого из нас, старших, среднего возраста и вплоть до его сверстников, можно сравнить судьбу Евтушенко, блестящую и, сказать по правде, не такую уж тяжёлую. Он как Москва: пожар способствовал ей много к украшению. Свирепые идиотические удары, которые обрушились на него года два тому назад, доставили ему много горчайших минут (или месяцев, что всё равно) и отняли, может быть, литр горячей крови, но всё осталось на своих местах для этого баловня судьбы.

И слава богу, что так случилось. У настоящего человека должна быть биография, состоящая не только из дат выхода книг.

24 февраля

Закончил, наконец, два толстых тома дневников Гонкуров. Самое интересное – автор, старший брат. Самовлюблённый, мономан, брюзгливый до крайности и столь же претенциозный, он показал сам себя во весь рост, во всех подробностях, и получилось это

невольно, помимо его намерений – таков жанр! Фигура характерная и неприятная. Писать об этой книге для “Литературной газеты” я всё-таки не буду. Не о чем! Я даже думаю, что вообще в “Литературной газете” нет смысла отмечать выход «Дневников»: это исторический документ чужой и чуждой культуры, давно исчерпанной даже у себя на родине.

Для меня лично в книге остаются самыми интересными зарисовки старого Гюго. Они очень достоверны, живописны (вольны и зримы) и кроме всего прочего проникнуты симпатией. Одну из них (Гюго читает у себя дома стихи – ему при этом 74 года) обязательно включу в статью о нём!

Но вот почему так удивительно несчастливо и неприглядно сложилась писательская жизнь и «карьера» самого Гонкура, почему его не признавали, преследовали, издевались над ним люди разных поколений, - я не слишком понимаю, потому что кроме «Братьев Земгано» не читал ни одной его книги. Между тем, он приписывает себе открытие «натурализма» и ещё множество заслуг первооткрывателя.

Так ли это? Наверно, и так и не так. В истории это часто случается, что не столь уж важно, кто первый сказал «Э», – Пётр Иванович или Иван Петрович... Да и вообще, так ли велика заслуга быть первым? Достаточно оказаться на старости лет непризнанным неудачником (хотя бы в собственных глазах), чтобы слегка помешаться на вопросе: «кто первый?» Эдмон Гонкур – классический образ такого несчастливца, причём образ, нарисованный им самим. Редкостный случай в истории!

Я и самому себе могу признаться по секрету в мыслях и ощущениях, чем-то похожих на болезненные переживания такого рода. Но меня спасают легкомыслие и доверчивость к жизни, к времени, к людям. А может быть, спасает и самоуверенность.

Сейчас, на пределе жизненного пути я в полном праве поставить вопрос: хорошо ли, правильно ли сложилась моя писательская жизнь – не только в том смысле, что «получил ли я по заслугам» (это второй, а может быть и сто второй вопрос), - нет, гораздо важнее спросить: правильно ли я шёл, не сбился ли где-нибудь, не покривил ли душою, не прозевал ли чего-нибудь, не поленился ли когда-нибудь?..

Здесь достаточно сохранить эти вопросительные знаки. Они говорят сами за себя. Потому что они в сущности всегда должны стоять перед любым человеком хоть бы раз в год, а то и чаще. Но на всякий случай могу прибавить: совершенно не убеждён в своей безгрешности.

Что же касается получения «по заслугам», то у меня одна только претензия и она довольно мучительна: малая тиражность моих книг, обусловленная не отсутствием спроса на них, а посторонними обстоятельствами, относящимися к так называемой литературной политике: это очень тёмная кухня!

Ну и чёрт с ней!

В Гонкуре почти карикатурна его непрестанная – на протяжении многих десятков лет – похвальба относительно собственного художественного вкуса и коллекционерства. В этом виден маленький человек, обыватель – несмотря на столь же настойчиво возглашаемый аристократизм.

Публикация дневников сопровождалась многочисленными обидами на него, которые можно понять. Как бы ни ссылался он на стенографическую точность своих записей чужих высказываний, он не мог обойтись без их стилизации, без своего освещения и тенденции. Личное в дневнике неуничтожимо. Да и вообще сомнительное дело – опубликовать такой материал, даже если он и кажется автору документом исторического

значения. Автор вообще не имеет права на такую высокую оценку априори. Это дело читателей, потомства, времени. <...>

25 февраля

<...> Новеллы А.Моруа¹⁶ («Фиалки в среду») в сущности тот же «Дневник» Гонкуров: та же кухня буржуазной лжи, славы, любви, брачной и небрачной, богатства и прочего. Но у Моруа всё вывернуто наизнанку посредством юмора и полной бесшабашной легковесности. Девяносто лет после смерти Гонкура недаром прошли для этой культуры.

Вечером пришла Белла, сильно пьяненькая, привела художника Юру Васильева (он сильно оброс бородой и похож на весь русский XIX век в целом) и милую сотрудницу Пушкинского заповедника Г. Ф. Симакину. Пили принесённое ими виски, а потом слушали пластинки Шаляпина. Белла полна неумеренных восхвалений нашего дома, долго сидела с Анной Васильевной (мама З.К.Бажановой. – Сост.), целовала ей руки. Но самое поразительное это то, как верен Белле наш пёс Боцман: он при виде её впадает в психопатическое сексуальное помешательство, и это продолжается уже несколько лет.

Отправил сегодня уйму книг в детский санаторий по соседству. Мы гибнем от избытка ненужных книг, которые валяются где попало...

Ещё приезжал за мной Агеев из «Октября», чтобы везти выступать в Колонном зале! Еле отбрыкался, мне сейчас абсолютно не хочется выступать публично.

27 февраля

За вчерашний день в Москве успел взять открепительный талон в райкоме (чтобы вернуться в парторганизацию писателей), сдать в Гослитиздат все доделанные, исправленные переводы Бодлера, в «Литературной России» получить деньги за переводы Первомайского и, наконец, выступить в клубе сотрудников Президиума Верховного Совета СССР. Всё это вместе взятое не то что утомительно, а удручает своей нецелесообразностью и ненужностью. Сегодня с часу на Пахре, т.е. в нормальной жизни.

28 февраля

Весь день возился с «Котом» Бодлера, в котором требовалось очень мало поправок, но они почему-то дались мне с трудом. Читал февральский номер «Науки и жизни» (он хуже других) и переставлял книги на полках. Бедствие остаётся бедствием, и я не могу избавиться от него даже посредством щедрой раздачи лишних книг кому угодно. Вообще моя комната на Пахре требует решительной чистки. Письма, папки, рукописи, фотографии, полузаполненные блокноты, газетные вырезки, ещё чёрт знает что, – всё это висит надо мной и не даёт спокойно дышать. Жизнь человека – постепенное нагромождение ненужных отбросов, что отлично доказывают все археологические раскопки.

1 марта

Доделал все поправки в Бодлере. Написал письмо в Академию общественных наук.

Директор магазина французской книги, кореец по имени Дантон (это очень колоритная фигура!) возымел за последнее время большую симпатию ко мне. Он решился продать мне единственный экземпляр Антологии сюрреалистов, ибо заказа на эту книгу не сделано.

Вот уже третий день эта книга у меня на столе и в руках. Я схватился за неё, как за сокровище, читаю внимательно, стараюсь что-нибудь понять и пока что очень разочарован. Да и мало сказать разочарован. Это похоже на шарлатанство.

В 20-х годах и у нас были похожие изобретатели и искатели новинок от имажинистов до ничевоков. И если говорить прямо, то наши были сильнее, изобретательнее и наивнее. Может быть потому, что их окружала более развороченная и более дикая жизнь, чем послевоенный Париж. Кое-что всё-таки живое есть у Анри Бретона¹⁷. Может быть, мне удастся перевести из него хотя бы одно стихотворение для моей антологии «От Бодлера до Элюара».

7 марта

Здесь пропущена целая неделя, в течение которой происходил Съезд писателей РСФСР – событие, надо сказать, довольно гнусного порядка. И я ещё не знаю: стоит ли здесь хоть сколько-нибудь откликаться на него, описывать в деталях, говорить о своих впечатлениях. Да и не только о своих, о впечатлениях всех, с кем я так или иначе общался...

8 марта

Книга английского философа Джеральда Джеймса Уитроу «Естественная философия времени» для меня просто находка и я прочёл 400 страниц залпом, в течение этого дня, не отрываясь ни разу.¹⁸ Она хороша полностью: тут и историко-философская часть, начиная с греков вплоть до Эйнштейна и Минковского¹⁹, и математика, и физика, и космология, и микромир, и биология, и всё это разнообразие увязано в один пакет, в одно событие вполне современного (т.е. очень острого и свободного от предвзятостей) ума и сознания.

Всю чисто математическую часть со сложными формулами мне пришлось, конечно, пропустить. Но она занимает в книге не такое уж большое место. Так что связь восприятия сохранилась.

О том, что я не знал этой книги, когда писал «Четвёртое измерение», жалеть не приходится, хотя она и обогатила бы кое в чём некоторые стихотворения. Но не в главном, а в подсобных формулировках, и более всего во вступлении.

9 марта

<...> «Абсолютное, истинное, математическое время само по себе и по самой своей сущности, без всякого отношения к чему-либо внешнему протекает равномерно и иначе называется длительностью». Ньютон²⁰

«Итак в тебе, душа моя, измеряю я времена». Августин

«Когда дитя голодно, оно плачет и протягивает руки к кормилице: вот зародыш идей будущего. Всякая потребность предполагает возможность её удовлетворения; совокупность таких возможностей мы обозначаем термином «будущее». Время закрыло

бы доступ к себе существу, которое ничего не желало бы, ни к чему не стремилось бы... «Будущее есть не то, что идёт к нам, но то, к чему мы идём». Гийом²¹

Взялся я сегодня с разбегу за сказку об Ульяне Копьетрясе и Шекспире, перечёл написанное прошлым летом, перепечатал на машинке и тут же стал продолжать прямо на машинке. Есть шанс закончить её чуть ли не завтра. Что у меня получится, получится ли вообще что-нибудь, я, конечно, не знаю и не могу знать. Во всяком случае, к финалу я осмелел до крайности и, может быть, такая смелость – лучший выход из затянувшегося кризиса с этим повествованием. Смелость же, если её анализировать, заключается в полном «остранении» приёма. К чёрту полетела история, правдоподобие рушится на глазах. И сейчас, почти у финиша, я боюсь только одного – что осмелел недостаточно.

10 марта

Как и предполагал, сказку закончил утром. В ней 16 с половиной страниц, больше, чем в «Казни Мартынова». И теперь жалею, что она уже не сможет войти в книгу «Пути поэтов», потому что сильно укрепила бы позицию всей книги, не только литературоведческой. <..> Может быть, неоправданно резок поворот от реальности к сюрреализму. Употребляю последнее слово, потому что не нашёл другого. Есть хорошее старое РОМАНТИЗМ. Оно даже спокойнее, менее настораживает дураков. Но сказать честно, мне хочется их насторожить! Это своего рода мистификация: насторожить и тут же доказать воочию, что они всполошились напрасно.

«Всё происходит так, как будто звёздное время течёт в четыре раза быстрее для человека пятидесяти лет, чем для ребёнка десяти лет». Леконт де Лиль²²

Речь идёт о внутреннем ощущении хода времени человеком в разном возрасте. Я это хорошо знаю.

«Одна вещь несомненна: я знаю себя как мысль, но не знаю себя как мозг». Декарт²³

11 марта

Ещё раз переписал, кое-что изменив, свою сказку в отдельную тетрадку. Как всегда в таких случаях, начинаю утверждаться в мыслях, что это стоящая вещь, что она – шаг вперёд. Если это правда, то я недаром продолжаю существование на этом свете, и старость не взяла надо мною верх, несмотря на всякую желчь, поясницу и прочие беды той осени и этой зимы. В этой мысли тоже необходимо утвердиться прочно. С октября я пребывал в полном упадке; ни Бодлер, ни статьи, ни переделка старых стихов не спасали положения. Всё это было беспомощным маханием рук наперерез сильной волне, которая уже подхватила меня и несла чёрт знает куда.

Судя по прошлогоднему дневнику (вот в чём его польза), мысль о сказке пришла мне впервые в голову 9-го апреля прошлого года. Я сразу начал писать, и кое-что из этих первых черновиков сохранилось. Потом отвлекся на «Нефертити», потом вообще выбросил из головы. Но само намерение писать прозу и влечение к ней дали плоды в трёх сказах о Лермонтове. Теперь ретроспективно всё это выглядит стройно, а между тем все эти месяцы я только и делал, что сомневался в работе и в себе самом.

Итак, одиннадцать месяцев понадобилось, чтобы родить чуть меньше печатного листа.

14 марта

Вчера у Нагибиных. Костя Лордкипанидзе²⁴ и критик Георгий Маргвелашвили²⁵. Первый сразу из Кремля, где получал орден (ему исполнилось 60 лет). Это очень давний наш знакомый, с которым многое связано и в Грузии и на Украине (через Л. Первомайского). Как всегда в присутствии и при участии Грузии было не так уж много выпито, но зато много сказано хорошего с подъёмом. У Лордкипанидзе жена больна страшной болезнью. Операция уже сделана два года назад. Он в ужасе, потому что всё знает и боится думать о близком будущем.

Я забыл раньше записать важное. В один из дней Съезда я был в больнице у Семёна Кирсанова. Он перенёс страшнейшую операцию, которая, видимо, была сделана отчасти из перестраховки. Ему удалили часть верхней челюсти и нёбо. Вслед за тем несколько раз облучали открытую рану. Было произведено несколько гистологических исследований на рак. Пока результат благоприятный. Жена говорит, что слово «пока» было врачами сумрачно подчёркнуто. Сказать честно, я очень боялся увидеть товарища: в каком он виде. Жена его предупреждала, что вид ужасный. Действительно, речь у него затруднена и в голосе другой тембр с отдачей куда-то в носоглотку. И всё-таки это живой, милый, талантливый человек с лёгким характером, с множеством надежд на завтрашний и послезавтрашний день.

Он в Кремлёвской клинике в Кунцеве. Его скоро выпишут и, поскольку он вообще к этой клинике не прикреплен, то, оказавшись вне стен больницы, сразу станет беспризорным. Хлопочут в Союзе о том, чтобы его постоянно прикрепить к ней, но ужас и подлость в том, что инстанции, легко удовлетворяя всяких своих идиотов и бездельников, насчёт нашего брата совсем не так щедры и часто отказывают.

Между тем Кирсанов рассказывает самые невероятные вещи о людях, которые рядом с ним лечатся: мало кто из них действительно болен, они буквально отсиживаются месяцами в этих роскошных апартаментах. У этого, дескать, сердце пошаливает, другому нужна пластическая (т.е. косметическая!) операция неизвестно на какой части тела, чуть ли не на заднице и т.д.

И если дать себе волю в дневнике и записывать всё это ужасное, подлое и гнусное, о чём слышишь или чему бываешь свидетелем непрерывно, то дневник осточертеет и вообще не захочется жить.

Тем более не хочется делать эти записи, что весь пресловутый съезд РСФСР был сплошной демонстрацией подлости, ханжества, черносотенной мрази. И эта тенденция победила по всему идеологическому фронту.

Я серьёзно думаю, что так дурно как сейчас никогда ещё не было! Хотя надо сказать, все мы немало повидали тяжёлого на своём веку, так что, казалось бы, нас не удивит, не испугает. Но сейчас какая-то особая, особо скучная безнадёжность, полная беспросветная серая тьма. И это на каждом шагу. Дела в литературе отражают это общее положение. Новое (послехрущёвское) правительство прежде всего крайне трусливо, оно только и делает, что помалкивает и, кажется, рекомендует и всем другим помалкивать. А само помалкивает, потому что ему решительно нечего сказать. Да и делать, собственно говоря, нечего! Положение в сельском хозяйстве остаётся безнадёжным. Всякого рода трусливые, половинчатые полумеры, вроде некоторого увеличения усадебных участков колхозников – это подачка нищим. И так, наверно, везде.

Вечером читал соседям сказку. Слушали они и Зоя (тоже в первый раз). Выслушал много критики, которая, по-видимому, обоснованна и справедлива. Если сводить её к главному пункту, то вещь ещё не додумана, не доведена до ясной философии: философии искусства, истории. Наверно, это так. Но я не обескуражен. Потому что мысль, как таковая, и всё, что от мысли зависит, т.е. ясная концепция самой вещи, связанность кусков всегда приходит ко мне в последнюю очередь. Я вижу прежде, чем оцениваю. <...>

Сказать правду, Зою как слушательницы я боялся больше всех. Она, моя голубка, тоже наговорила много невесёлых вещей, но на этот раз с меньшей остротой и пронизательностью, чем всегда. Главное у неё в том, что во всей вещи нет сверхзадачи; неизвестно зачем и ради чего закручена вся эта канитель.

И я принял для себя решение, лёгкое и трудное одновременно: на какой-то срок (неделя, месяц...) забыть о сказке, совершенно выкинуть её из головы. Это старинный завет Вахтангова: пусть работает бессознательное и само в нужный срок выдаст на-гора решение. Дело стоит такого риска. Да и не риск это, а только доверие к той части собственной личности, которая физически не умеет обманывать. <...>

15 марта

В нашем обществе, в целом его составе, происходит непрерывное снижение культуры. Оно сказывается во всём, от явлений языка вплоть до роста преступности, от вкуса торгующих организаций вплоть до требований, предъявляемых к литературе, театру. Это процесс роковой и катастрофический и мы наблюдаем его каждый год и каждодневно. Механика такого снижения, в сущности, очень проста. Чтобы почувствовать её, вот хороший пример: ссылка на так называемого СРЕДНЕГО ЧИТАТЕЛЯ (или ЗРИТЕЛЯ).

Каждый из тех, кто ссылается на такой персонаж и старается отстаивать его интересы, его права, каждый такой адвокат представляет себе этого среднего чуть НИЖЕ СЕБЯ. Иначе он не мыслит, ибо себя самого считает ВЫСШИМ. Через некоторое время подзащитный средний сам становится арбитром и выдвигает своего собственного СРЕДНЕГО, т.е. опять существо НИЗШЕЕ по отношению к самому себе. И эта история может повториться и действительно повторяется множество раз.

Разливанное море «среднего» представлял собою Съезд писателей РСФСР. Отсюда такая ярость в защите своих насиженных мест, такая ненависть ко всему, что хотя бы на полголовы выше. Выборы делегатов на Всесоюзный съезд показали это с угнетающей ясностью.

С тех пор прошло уже почти десять дней. И вот, перечитывая список выбранных делегатов, я отдаю себе отчёт в закономерности состава.

В нём нет Симонова, Евтушенко, Луконина, Козакова²⁶, Аксёнова²⁷, Алигер, Шкловского, Макашина, Г. Фипа, Матусовского, т.е. нет цвета и гордости нескольких писательских поколений. Вместо них – всякая черносотенная или просто подлая рвань без лица и без имени. Мы были молчаливыми свидетелями (увы!), по сути дела, лишёнными голоса. Нажим со стороны МК или ЦК на этот раз был поразительным, одурачивающим, наглым. Но он даже не был так необходим. Потому что вся эта масса вновь принятых в организации РСФСР, так называемых писателей, а на самом деле полных ничтожеств, являла собою самую обыкновенную машину голосования. Она затем ведь и создана, чтобы быть таковой.

И это тоже пример планомерного, едва ли не сознательного, хорошо организованного снижения культуры. Так что, если говорить прямо и безжалостно, то приходится признать: никогда ещё не было так плохо, как сейчас.

При Сталине, каким бы чёрным злодеем он ни был, существовала всё-таки надежда на каприз его сильной воли. И он действительно нет-нет да и выкинет такой фортель, что дай боже! То глядишь РАПП разгонит, то поднимет Пастернака и ещё многое, что давно уже изгладилось из памяти.

Тем более так могло быть при Хрущёве. При всей своей безалаберности и полной безграмотности, этот несчастный был обуреваем самыми благородными порывами: Солженицын, кажется, лучший пример. Но как теперь соображаешь, Хрущёва держали на привязи как жука на ниточке, всё те же подлые и тёмные силы, которые сегодня празднуют масленицу.

17 марта

Полтора дня в Москве. В Гослите сдача шести папок моего двухтомника. Вот он и поплыл по этим волнам – редактуры, принятия-непринятия, сдачи в производство, корректур, вёрстки, тиражирования (самое тяжёлое и грустное), оформления и прочих больших и малых тревог, которые продлятся до первых месяцев будущего года. И где-нибудь ближе к моему семидесятому дню рождения две эти книги будут лежать у меня в руках.

Затем в Гослите бодлеровские дела. Мне предстоит некоторая работёнка, кропотливая и изнурительная, над всеми ещё не бывшими у меня в руках переводами. Срок – начало апреля.

В “Литературной России” прочёл сказку. Слушали хорошо. Вещь принимают. В этом я ещё раз убедился. Но и в том, что над ней следует работать и работать, тоже убедился. Многое мне уже ясно.

По тому, как охотно и в общем хорошо поддаёт мне жару (и выдумки) Зоя, я чувствую, что вещь вообще незаурядная. Зоя нечасто, совсем нечасто берётся советовать мне что-нибудь. На этот раз она уже дважды подсказала очень хорошие подробности и исправления.

В “Иностранной литературе” в двух первых номерах роман молодого американского писателя Апдайка²⁸ «Кентавр». Кое-кто (Матусовский, Евтушенко) отзываются о нём, как о событии. Сказать по чести, мне не слишком понравилась эта тщетная игра в сложность, ухищрения и туманный бред. Школьный учитель-неудачник, чудаковатый парень 50-ти лет, в каком-то фантастическом бредовом ракурсе оборачивается кентавром Хироном из греческого мифа о титанах. Откуда эта странная прихоть, чем она обусловлена для писателя, совершенно неясно. И сквозь весь роман – дурная, низкая сексуальность, восходящая в конечном счёте к Фрейд²⁹ (сны героя могли присниться ему разве только в результате уже усвоенного и принятого на веру Фрейда. У всего на свете, вернее, у всего в литературе может быть и книжный источник. Но в этом случае он противопоказан под страхом тяжёлого наказания! Миф не освещает, не поднимает прозу и грязь жизни; наоборот, он сам в ней же барахтается.

И этот американец нагружен некоторой классической эрудицией, цитирует Вергилия, Лукреция³⁰ по-латыни, но это богатство ему ни к чему и не к лицу. Оно тоже только тяжелит его мысль, а не окрыляет его воображение.

Нет! Куда выше и внутренне свободнее были наши символисты: даже Ф.Сологуб³¹ с «Творимой легендой»; и уж конечно, далеко Апдайку, как до звезды небесной, до Ницше!

Самая же близкая возможность сравнения (убийственная для Апдайка) – это сравнение с рассказом о Хироне Голосовкера, прелестного, артистичного и к тому же учёного. Он с какой-то блаженной и самоуверенной лёгкостью проник в эллинский мир и миф и действительно разглядел в нём главное: ничего не насилуя, не нарушая временной перспективы, сделал своё весёлое открытие! Апдайк ничего не открыл. Он только замутил источник.

18 марта

В прошлом году я писал какую-то пошлую и непродуманную ерунду об Экзюпери. В Гослите вышел его великолепный однотомник. Впервые прочёл первую повесть Экзюпери (1929-1930) и роман «Южный почтовый». Хорошо бы зачеркнуть глупости, написанные год тому назад! Потому что Экзюпери – это одно из самых лучших явлений культуры XX века, во всяком случае, самое возвышенное и свободное: в познании, в ощущении, в выводах. Непредвзятое. Ничем не защищённое. В поиске. В догадке. Ждущее продолжения и не требующее отстаивания в каких бы то ни было комментариях.

Небольшие куски-клинья для вставки в сказку я постепенно и не спеша набрасываю. Это занятие увлекательное, но опять надо сознаться: ничего не знаю! Не могу угадать, что получится в целом. Но я рад, что остался внутри работы и внутри самой вещи. Решение опустить её в кладовую «бессознательного» было ложным. Таких вещей нельзя делать, когда весь охвачен беспокойством о своём ребёнке.

Надо чаще и смелее менять ритм.

Вообще, не бояться смелого. Чем нескладнее и непредвиденнее, тем вернее. «Мир незакончен и неточен!» Николай Ушаков. (Это одна из любимых моих строк в советской поэзии).

<...> Что же касается поганого съезда РСФСР, он происходил как на другой планете! Даже не на планете, а на грязной тарелке из ресторана ЦДЛ!

20 марта

В сущности, моя сказка есть новая <...> трактовка пьесы «Пожар в театре», написанной в 1918 г. Недаром я извлёк её и перепечатал на машинке около полутора лет назад. И вот опять не даёт мне покоя эта вечная тема! Как её определить, наконец? – Протяжённость, необратимость времени и победа искусства над ним? Где-то именно здесь. Впрочем, уточнять равносильно тому, чтобы задуть в зародыше.

Вчера часов в 11 явилась Белла с Твардовским. Он глубоко, трагически болен своим алкоголизмом, помочь ему нечем. Потому что отказ в выпивке заставит искать её в другом доме, и он всё равно обрящет искомое. Поэтому мы раскулачили имевшийся у нас запас – уже начатые пол-литра и послали Дусю ещё за двумя бутылками, причем на стол поставили только одну. Разговор был грустный, между прочим, и о Фадееве, но главным образом об ужасном положении нашей литературы. Потом вместе с Беллой мы проводили его домой к несчастной его, встревоженной жене. Он пошёл спать, а Белла со мной вернулась к нам, чтобы допивать остаток водки.

А сегодня в 8 часов утра снова пришёл Твардовский. Каюсь, я сказал ему, что в доме нет ни капли, и он, смущённый и несчастный, ушёл. Наверно, это было неправильно. Говорят, для алкоголика утренняя жажда опохмелиться – смертное мучение. Надо было выплеснуть ему остаток в стакан, посадить за стол, разговорить и успокоить. Но жалеть поздно.

Днём заезжал (на такси) А. Гатов³², остался у нас обедать. Видимо, в начале июля придётся поехать в Финляндию на очередную конференцию ФИТ (переводческая организация Юнеско) и делать доклад о нашей работе. Это по-своему интересно. Рассказывал он о своих встречах в Китае, о провокациях и задираньях со стороны китайцев, об их чудовищной неосведомлённости и заносчивости при этом. Но мне кажется, в известных случаях иностранцы, побывавшие у нас, могут составить себе такое же мнение и о советских людях, в том числе, и о писателях!

Я вклеил вновь написанные куски в экземпляр «Сказки». В общей сложности получилось около двух страниц. Чтобы судить о результате надо, во-первых, прочесть вслух свежим слушателям, а во-вторых, всё перепечатать от начала и до конца.

И во мне борются два противоположных желания: не спешить и все-таки в понедельник закончить. Но когда в понедельник я возьму в руки белой экземпляр машинной рукописи, я увижу, что работы ещё немало. <...>

Газеты полны приземлением двух новых космонавтов и, как всегда, откликами со всего земного шара. Если разобраться объективно, то видна убедительная пропагандистская символика: с одной стороны, США бомбят и жгут Вьетнам. С другой стороны, Советский Союз снова опередил их и шагнул в космос в невесомом состоянии, дыша кислородом и проделав важную работу. Как ни верти, это не только «звучит гордо», но звучит мажорно, празднично, настраивает на высокий лад, которого все мы были длительно лишены. Слава богу!

Но оставаться с одними только космическими показателями без соответствующих земных тоже невесело! Уж очень печальная жизнь здесь, в полной весомости, без защитных скафандров – на этой жалкой, скудной, ничего не родящей, заброшенной земле, где со всех сторон тебя окружают такие поганые грибы, как Грибачёв, Ильичёв, Мих. Алексеев³³ и проч. и проч...

21 марта

Книга американского генерала Лесли Гровса³⁴, который во время войны отвечал в США за всю работу над созданием атомной бомбы, называется «Теперь об этом можно рассказать». Книга без литературных достоинств, с массой лишнего, довольно тупая в общих оценках. И все-таки читаешь её не отрываясь, с волнением, с ужасом. Картина очень неприглядная. Такое впечатление, что главной задачей у всех участников – не только у служаки-администратора, как этот генерал, но решительно у всех, вплоть до самых знаменитых учёных, как Оппенгеймер³⁵ или Ферми³⁶ – было только одно: сохранить свой секрет. Деньги тратились безудержно. Всё государство, вся технология университетов и больших трестов была поставлена на службу того, что в книге называется «проект». В то же время постоянная боязнь: а что у немцев? а не перегонят ли немцы? Книга очень живо передаёт атмосферу этого ажиотажа. Патриотизма тут столько же, сколько азарта, не то коммерческого, не то авантюрного. Но, в конечном счёте, это были всё-таки сила, темперамент, умение организовать работу, воодушевить множество разных людей.

Но и лицемерие! Бог мой, какое лицемерие, какая типичная всеисторическая картина... Теперь, зная историю протекшего с той поры двадцатилетия, очень пристально и горестно рассматриваешь зародыш эпохи, его шевеление «во чреве будущего», его страшные черты.

Сказать про Гровса, что он циник, сознательный Тартюф³⁷, нельзя. Он просто типичный, средний человек. В нём всё счастливо уравновешено и уживается мирно, не без достоинства, не без тени хвастовства. Ему есть чем гордиться, но есть, наверно, и такое, в чём человек не сознаётся даже самому себе, даже на Страшном суде.

Вчера читал сказку Фишу уже в том новом, обогащённом её состоянии, какое есть на сегодня и которым ещё вчера я был так доволен. А снова убедился, что работы предстоит много. У Фиша замечания интересные. Главное в том, что Копьетряс в сущности выпадает в конце. Если Шекспир целен (цельный характер) и «работает» непрерывно, то второй герой начат хорошо, но почти исчезает во всей «сюрреалистической» части. Другое возражение Фиша менее серьёзно: в шекспировские времена не было женщин-актрис. Это, конечно, правильно, но я было предполагал, что вполне возможно в сказке обойти историческую достоверность. Фиш возражает: реалистический тон начала настолько густ, что несоблюдение именно здесь элементарной правды бросается в глаза. Ещё он говорил, что в Лондоне XVIII века не было знаменитых «туманов», они появились вместе с угольной пылью (в конце XVIII века, когда стали топить каменным углём). В русском посольстве должен быть священник. Фонарей уличных тоже не было тогда. Возражал он и против ритмизированной прозы. Он во многом прав.

22 марта

До тех пор, пока художник (любой, в любом искусстве) не поймёт и не решит окончательно, что он волшебник и обязан быть волшебником, что в этом и должно состоять его умение, мастерство, искусство, до тех пор он вообще не художник. Всеми доступными ему средствами: языком, ритмом, образами, – он должен уметь колдовать, т.е. очаровывать людей, брать их в плен, вести по своей воле куда угодно, быть «ловцом душ».

К сожалению, я это понял слишком поздно, а между тем в ранней юности (до печатания, т.е. примерно до двадцатых годов) инстинктивно стремился именно к этому. Потом начались сторонние соображения: чтобы было понятно, чтобы меньше бросалось в глаза. <...>

Поскольку в моём случае речь идёт о поэте, проверять воздействие волшебства можно на слушателях. При этом нужна большая, даже чуждая аудитория. Маяковский хорошо знал об этом. Выступать публично – это пробовать свои силы. <...>

27 марта

Здесь, на Пахре, очень живо чувствуешь все приметы летящего времени. С каждым днём небо голубее и земля чернее. Снегу ещё много, но он гибнет на глазах. И в сучьях берёз уже бьётся другой, оживлённый теплом пульс. На солнце сегодня было около +10°. Наш «Бродвей» полон писателями и их воскресными гостями. Я зашёл утром к Твардовскому. У него несколько дней назад скончалась мать 77-ми лет. Он в полном порядке, трезв и брит, в очках, очевидно я оторвал его от дела и быстро ушёл. Обедали у

Матусовских, у них в гостях композитор Блантер³⁸ с молодой, довольно привлекательной женой.

Катастрофична и мучительна Белла, которая глушит себя спиртным беспощадно – то ли по неразумию, то ли по придуманным ею несчастьям, возводимым с пьяных глаз в квадрат и в куб. И как-то теряешь доверие к её серьёзу, даже к её искренности. Много в ней результат избалованности, перекрёстных дурных влияний, пошлого гениальничанья на пустом месте. Кажется, она воображает, что такой была Марина³⁹.

О, нет. Марина была совсем не такой! Она была чернорабочей, на руках у неё были маленькие дети, второй несчастный ребёнок – умственно отсталая девочка⁴⁰. Она была благородно нища и бедствовала отчаянно, но ни в какой помощи ниоткуда не нуждалась. Ей вообще ничего не надо было внешнего: ни наряжаться, ни нравиться, ни производить эффект. Всё это было ей совершенно чуждо. В сущности, она была очень скромным и, прежде всего, совестливым человеком. По-серьёзному ей надо было самой увлекаться кем-нибудь и чем-нибудь. И это ей всегда без труда удавалось. Ей всегда что-нибудь чрезвычайно нравилось и этим она и жила, и росла, и дышала. Когда я вспоминаю об этом, таком давнем и безвозвратно ушедшем прошлом, т.е. о самой ранней моей поре, то схожу с ума от того, что так мало ценил Марину и в сущности так и не заметил, упустил из виду, что ведь она-то и есть воплощение жизни для меня, гений, сама поэзия, само искусство. И и всё это с таких заглавных букв, что дай боже!

Так нет же! Меня крепко держала Мансуровская студия, её маленький душевный мир, её беды и дразги, её бессонные ночи и бездельнические дни. И всё это казалось мне – ИСКУССТВОМ. А на самом деле не было им!

29 марта

Утром был у Кости Симонова, который решил серьёзно здесь на Пахре обосноваться, только изредка на несколько часов уезжая в город. Он подарил мне толстую записную книжку, так что, когда кончится эта, я смогу сразу начать симоновскую.

Как всегда, он расценивает всё происходящее в области культуры со стороны, т.е. трезво, равнодушно, отчасти эгоистически, но в общем это здоровая позиция, стоит поучиться такому покою. Ему на многое плевать с высокого дерева, но не только потому, что он сам благополучен, благоустроен, признан, знаменит и т. д. Не только поэтому. Главное – в уверенности рабочего человека, привыкшего к труду и верящего в силу и в умение своих рук. Своего рода инстинкт самосохранения, привычка английского лорда (или земледельца) к тому, что его дом – его крепость. Дом в самом широком и общем значении слова: дом как свой мир. Есть этот плацдарм, защищённый тылом или зенитным огнём, значит, всё в порядке. Стало быть, дело сводится к организации и устройству защиты строго ограниченного пространства, лично принадлежащего данному человеку. В известном отношении это прямо противоположно не только коммунизму или социализму, но даже демократии. Однако, я убеждён в том, что социализм и коммунизм осуществимы при одном только условии – чтобы эта духовная «крепость» человека осталась незыблемой и никто на неё не посягал. <...>

Это рассуждение вызвано вчерашним разговором с К. Симоновым, но кроме того и чтением Экзюпери, в которого я очень погрузился. Конечно, он француз до мозга костей, т.е. прежде всего красноречивый пропагандист, но разве это плохо, разве недостаток?

31 марта

«Легко основать порядок в обществе, подчинив каждого его члена определённым правилам. Легко воспитать слепца, который не протестуя подчинялся бы поводырю или Корану. Насколько же труднее освободить человека, научив его властвовать собой.

Свобода существует лишь для кого-то, кто стремится куда-то. Освободить человека в пустыне – это значит возбудить в нём жажду и указать ему путь к колодцу. Только тогда его действия обретут смысл. Бессмысленно освобождать камень, если не существует силы тяжести. Потому что освобождённый камень не сдвинется с места...

Моя духовная культура – наследница христианских ценностей... Равенство становится пустым звуком, если нет ничего, что связывало бы это равенство...

Демагогия возникает тогда, когда за отсутствием общей меры принцип равенства вырождается. Тогда солдат отказывается отдавать честь командиру, потому что честь, отдаваемая командиру, означала бы почитание личности. Если нельзя допустить, чтобы один человек тиранил массу, то, разумеется, нельзя допустить также и то, чтобы масса подавляла одного человека... <...>

1 апреля

Трудился над Бодлером и зачитывался Экзюпери. Его репортаж во время войны 1937 г. в Испании поразителен. Это прямое дополнение к Хемингуэю («По ком звонит колокол»): та же интонация оценки и высота понимания, то же презрение к политике. И всё же Хемингуэй выбирает, а француз так и остаётся вне выбора.

Пасмурный день, шёл снег. Ради первого апреля, весна занимается обманом. Зоя только и делает, что режет себе руки стамеской и засоряет опилками глаза. Ей необходимы для работы автомобильные очки.

Многое у Экзюпери хочется знать наизусть, и мне кажется, это высшая похвала писателю.

5 апреля

Третьего дня в ЦДЛ было обсуждение книги Эткинда «Поэзия и перевод» и оно оказалось более драматичным, чем можно было предполагать. Оказалось, что существует чуть ли не «коалиция» персонажей, решивших завалить книгу и автора. Между тем, книга просто замечательная, равно как и автор, великолепный эрудит, лингвист, талантливый переводчик и критик, да и вообще личность что надо, сверх всего, свидетель защиты на процессе Бродского.

Первым выступил Левик. Он говорил (читал по писаному) ровно час двадцать минут. Это была неприкрытая и очень глупая злоба. Он выдаёт себя с головой – до идиотизма откровенно. Были и другие подобные попытки, но более скромные и боязливые. Однако и защита автора была на высоте. Я постарался изо всех сил отвести удар и особенно резко (о чём не жалею нисколько) говорил о Левике. Всё сделал, чтобы он ушёл обосранный. Как выясняется, он затаил злобу на Эткинда за то, что тот в своих отзывах на переводы Бодлера обошёлся с Левиком круто, в результате чего несколько переводов Левика были сняты, а остальные им спешно переделываются.

Вечером ко мне пришли Эткинд, Лозовецкий с женой и Ирина Озерова. Я прочёл им сказку и она произвела впечатление гораздо более сильное и хорошее, чем я мог рассчитывать. На этот раз я нашёл интонацию и, главное, темп для этого чтения вслух.

Тогда же, третьего дня, критик А. Михайлов⁴¹ дал мне прочесть свою статью о трёх поэтах, Светлове, Щипачёве⁴² и обо мне, которую он пишет для «Знамени». Он пишет о трёх моих последних книжках: «Мастерская», «Высокое напряжение», «Четвёртое измерение». Написано вполне благожелательно. Его тезис: поэзия старшего поколения на подъёме после 56 года и XX съезда.

Сам он служит в ЦК, чем-то вроде инструктора. По виду неказистый, молоденький, из Архангельска, может быть, с усилием выбился в культуру, в Москву, а значит, способный человек. Работа в ЦК может развратить его, согнуть и превратить в собственную противоположность. Но пока этого не случилось, пока он обуреваем самыми лучшими намерениями и провозглашает передовые и сложные максимы, старается служить им. <...> В общем он мне понравился.

Говорит, что новый Агитпроп⁴³ ещё не сконструирован. Есть только Демичев⁴⁴. Кто будет окружать его, неизвестно. Симонов назвал мне Карякина⁴⁵. Это было бы отлично: Карякин – автор прекрасных статей о Солженицыне и Достоевском (журнал «За мир, за демократию»). Во второй статье впервые ясно и открыто трактуется происхождение культа личности и корни этого явления.

<...> Проза продолжает страшно привлекать меня: ёмкостью, свободой в смене кусков и ещё неожиданным качеством: отсутствием ритма как чего-то, заданного заранее, до приступа к работе. Но главное, конечно, не в выборе между поэзией и прозой. Главное – в содержании, в трактовке, в решении. Обыкновенно, оно приходит ко мне в процессе работы. Я привык начинать дурак дураком, в тайной надежде, что кривая вывезет. Это не нормальная дорога, порочный метод, тем не менее он оправдывал себя почти всегда, даже в «Кашее» и в «Переулке»; не оправдал решительно – в «Коммуне».⁴⁶ Она так и осталась в отрывках.

22 июля

В этой книге перерыв длиною в сто семь дней. Третьего дня вечером я вернулся из корпуса №7 Боткинской больницы. Утром 12 апреля внезапно свалился с болью в сердце. Это был инфаркт. Ночью скорая помощь отвезла меня из Пахры в больницу.

Серьёзно и подробно описать всё, что произошло за это время, у меня нет сил и, пожалуй, даже охоты нет. Произошло многое, что потом ещё скажется, обнаружится во мне..

Пока я только и делаю, что умиляюсь до слёз нашему дому, где мы вдвоём с Зоечкой. Как смогла она вынести всё это, какой была героиней, целые дни проводила в больнице у моей койки, как именно она, в конечном счёте, а не медицина выходила меня и заставила не падать духом. Вот оно главное, с чего следует начать эту первую страницу моего возвращения к жизни.

Пока я лежал там, а потом начал вставать и ходить, лета не было и, как в сказке, оно началось с голубым небом и отсутствием дождя, ьс приездом сюда на Пахру 20-го июля. Наш сад упоителен. Мне ещё не разрешено подниматься на второй этаж, поэтому вся жизнь сосредоточилась в гостевой комнате и на веранде.

Да, жизнь «сосредоточилась», а я никак не могу этого сделать...

23 июля

Сегодня исполняется 50 лет Мише Матусовскому. Утром он заходил к нам со своей младшей дочкой Ирочкой. В первый раз за четыре года я не буду у него в день рождения. Это очень грустно. Конечно, и Зоя не пойдёт.

К вечеру ещё один неожиданный приезд: мать Беллы Ахмадулиной.⁴⁷ Уже давно, года два или три назад, она обратилась ко мне со своими страхами за Беллу, которая, сказать по правде, совсем не любит мать, не уважает её, всячески открещивается от какой бы то ни было связи с нею. Это, конечно, отвратительно, ибо мать любит дочь по-своему... Она виновата тем, что, будучи глупой, родила умную дочь. Я выразил трагическую ситуацию в такой пародийной форме. На самом же деле, положение обеих женщин серьёзно и заслуживает участия. И вот мать явилась ко мне и решительно протестовала тому, чтобы о её приходе известили Беллу. О моей болезни она ничего не знала. Не знала, что я был в больнице с инфарктом.

24 июля

Вчера же вечером зашли к нам приехавшие на день рождения Матусовского Рита Алигер и Ярослав Смеляков. Они посидели у нас недолго.

Сейчас я хочу рассказать об одном «интеллектуальном приключении», которое сильно занимало и волновало меня с самых первых дней в больнице. Я был тогда ещё под впечатлением нового прочтения Экзюпери. У меня не выходила из головы одна его фраза (из «Военного лётчика»): «Моя духовная культура – наследница христианских ценностей».

Меня это и заинтересовало и взволновало. Сознаюсь, что, лёжа в палате ночью, слушая дыхание семи разных соседей, тоже больных: кто сердцем, кто чем-нибудь ещё, я начал серьёзно вдумываться в формулировку «христианские ценности». Её исторический смысл для человека известной социальной среды (старинного рода, восходящего к Средним векам и Крестовым походам), для католика по воспитанию – ясен вполне. Француз XX века, солдат и лётчик, математик и логист, к тому же и прежде всего писатель, т.е. художник ссылается на христианские ценности, как на свой первоисточник. Но как же этот смысл относится ко мне, прежде всего нехристианину по происхождению, а потом нехристианину по основам убеждений? И я серьёзно задумался!

Правда ли, что будучи коммунистом, я не могу и не должен быть христианином? А не наоборот ли? И мне показалось тогда, что, следует посвятить остаток своей жизни доказательствам этой противоположной тезы, звучащей не только необычно, но и нелепо, дико: я христианин, потому что коммунист. И я серьёзно поверил в то, что буду писать книгу «Коммунизм и христианство». Готовился к вступительным словам в ней. Заново прочёл исповедь блаженного Августина⁴⁸.

Ещё в больнице в целях того же сосредоточения и самопроверки я начал перечитывать «Дневник писателя» Достоевского. Надо сказать прямо: это чтение имеет эффект противоположный. Тупая, мелочная, придиричивая и аффектированная диалектика Достоевского обратно пропорциональна его писательскому гению. Претендуя на глубочайшее историческое предвидение судеб Европы, России, Востока и Запада, он в сущности ничего решительно не понимал, был лишён чувства истории ещё в большей степени чем, например, Лев Толстой. Его частые ссылки на наследие пушкинской культуры попросту смешны.

Везде и всюду у Достоевского предвзятость, забегание вперёд, артачение перед выдуманным оппонентом, раздражительность – те самые черты, которые он, как романист, приписывает особенно несимпатичным ему самому собственным персонажам. И вот тут-то, читая Достоевского, я как раз и заколебался в своей идее. Однако, даже вспоминать Достоевского – это уходить в сторону от неё, от её сегодняшнего значения и смысла. Попросту, Достоевский оказался решительно ни на что не пригодившимся образцом. Он только замутил мою воду, мой внезапно обнаружившийся родник. Но в будущем я постараюсь (хотя уже нелегко...) вернуться к этому роднику.

Перечёл заново свою шекспировскую сказку в надежде, что три с лишним месяца разлуки ясно покажут, чего в ней не хватает и над чем ещё работать. Увы! Чтение ничего не дало или дало обидно мало. То же самое случилось при перечитывании «Орфея», при перечитывании набросков стихов. Самое печальное: я обнаружил в себе отсутствие настоящего интереса к тому, что так недавно было всё-таки содержанием моей жизни. Может быть, я просто ещё недостаточно выздоровел? Может быть, продиктованный мне полупостельный медициной режим виноват в этом?

Во второй половине дня пришли Раиса Есипова⁴⁹, а потом двое Россельсов. Скажу честно, мне прямо необходимо, чтобы почаще приходили к нам те или другие люди, пускай даже не очень близкие. Но, по совести говоря, я обязан думать сейчас не о себе, не о том, что мне необходимо, а прежде всего о совершенно измученной, изнервлённой Зое! И когда с 1-го августа мы окажемся в санатории в «Узком» (здесь недалеко) я заставлю, т.е. упрошу тамошних врачей обратить на неё сугубое внимание. Исходя из того, что они скажут, будет построена вся наша жизнь на эти 24 дня, которые там проведём.

25 июля

Норма жизни и быта на Пахре состоит в том, чтобы спокойно переселиться опять на второй этаж, не боясь этой ничтожной лестнички в 15 ступенек. В настоящий момент она ещё затруднительна для меня, но даст бог, через месяц всё это будет в прошлом.

На втором этаже – это значит быть у себя, в той комнате, где я проработал уже девять лет, там написаны и «Мастерская», и «Сила Вьетнама», и «О Пушкине», и «Высокое напряжение», и «Четвёртое измерение», и «Пути поэтов», и ещё многое, не вошедшее в эти шесть книг. Там – душа дома. В этой комнате я могу просидеть весь день, ничего не делая и не скучая, но могу также и не заметить, как весь день пролетел в работе. Словом, сейчас я о ней мечтаю, как о каком-то потерянном рае.

Всё это время, с самого первого дня болезни, я непрерывно мечтал о том, о другом... Сначала о том, чтобы хорошо поесть, потом – лечь на бок, потом – сесть и спустить ноги на пол, потом – встать на ноги и т.д. Затем стал мечтать о выписке из больницы... Дождался и этого. И сейчас мечтаю о том, что сбудется только через месяц, уже после «Узкого»... И тогда начну мечтать, чтобы скорее миновал год с начала инфаркта и началась более или менее здоровая жизнь...

26 июля

Все, кто видел фильм «Война и мир»⁵⁰ (между прочим, и приходившая сегодня М. В. Миронова⁵¹), единодушно его ругают. Ругают всячески: за бессмысленность, за дурацкие длинноты, за дурной тон, за плохое исполнение, особенно Бондарчука,

игравшего Пьера Безухова⁵². Присуждение фильму первой премии Московского фестиваля – это наша очередная бестактность. Р. Есимова рассказывала, что на обсуждении не было ни одного голоса в защиту фильма. С. Герасимов⁵³ изощрялся насчёт «русского духа» и топтался на пустом месте.

27 июля

Что мы непрестанно делаем с нашей собственной культурой, с её высокими возможностями! Мы губим всё мало-мальски талантливое, обрекаем лучших в каждом поколении на немоту, поощряем карьеристов или кретинов. Всё это повторяется с поразительным однообразием, с поразительно унылой и тупой бесцеремонностью. То, что делается в культуре, в искусстве, а также в школе, виднее нам, чем другое. Но по аналогии можно представить себе сходное положение и в технике, и в промышленности, и в чём угодно ещё.

Стоит начать разговор на такую тему, и сразу видишь, что разговор бесконечен, что конца и края этим пустопорожним жалобам нет. Так стоит ли начинать разговор, тревожиться, беречь душу свою и чужую? Стоит ли биться лбом об эту каменную стену?

28 июля

Указ о награждении Матусовского орденом подписан 26-го, через три дня после его дня рождения. А за четыре дня до этого – указ о награждении П. Беспощадного⁵⁴ (почти через месяц после даты) и Кассиля⁵⁵ (ещё больше расстояние). Значит, нашему Мише повезло и даже необычно повезло. Потому что и с Долматовским и со Смеляковым и с бедным Светловым опоздания всё время были серьёзные... <...>

29 июля

Стал перечитывать курс Ключевского⁵⁶, начав со знаменитой сорок первой лекции, т.е. со Смутного времени. Замечательно изображён русский XVII век, на что я раньше мало обращал внимания: характеристики Никона⁵⁷, царя Алексея⁵⁸, Ордина-Нащокина⁵⁹ и других, – всё это материал бесконечно живой и поучительный сегодня.

В лучших чертах Хрущёва (ведь были всё-таки и лучшие!) можно узнать Алексея Михайловича. Во всяком случае, не стоит отказываться от такого сравнения. Оно кое-что объясняет, более того, даёт возможность и предугадать кое-что в ближайшем будущем!

Где-то рядом с нами уже родился гений Петра!⁶⁰ Гений нелёгкий, по-своему дикий и безобразный, но не надо забывать, что продолжается-то русская история, а не какая-нибудь другая.

30 июля

Курс Ключевского прежде всего замечателен тем, что он открыто адресован в свою современность, он менее всего «академичен» и совсем не бесстрастен. Весьма неприкрыты пристрастия автора. Иные его характеристики, иные слова-обороты сто́ят по-своему «Истории одного города» Щедрина⁶¹. Важно, что этот профессор никем и ничем не прикидывается, ни в какую тогу не рядится. Он даёт волю раздражению, ярости, любым

преувеличениям живого чувства по отношению к людям, которые за сто и больше лет до него ушли с исторической сцены. <...>

7 августа

С того самого дня, когда я выписался из больницы, длинный длинный ряд одинаковых дней и ночей, больничный быт и уклад жизни, люди, которые там были и в целом так много значили для меня, – всё сразу отступило в теневую часть сознания, как бы перестало существовать, а между тем это заслуживает памяти и фиксации. Заслуживает хотя бы слова благодарности в этой книге. Прежде всего ПАЛАТА, в которой я лежал и выходил из штопора, единственный остававшийся мне кусок вселенной с тремя широкими окнами, сквозь которые в начале апреля видны были голые сучья и стволы деревьев, а потом они постепенно, с большим опозданием начали покрываться зелёной листвой. Соседи по палате, очень скоро ставшие близкими друзьями. Меня сразу поразило, обрадовало, ободрило и задобрило их внимание друг к другу и, соответственно, общее внимание ко мне. Так устанавливался этот братский контакт и, право, он играл большую роль в моём выздоровлении.

Но я спешу и перескакиваю слишком через многое. Во-первых, надо сказать о двух несчастных, бледных личиках, которые я видел над собою всё это время, – Зочка и моя дочь Наташа. Во-вторых, лечащий врач Лидия Карловна Беглова, как мне казалось сначала, невозможно дотошная формалистка. Потом-то я по-другому оценил её замечательный характер, необыкновенную преданность своему делу, артистизм (иначе не скажешь) в общении с больными.

Я пролежал на спине почти в полной неподвижности больше семидесяти дней. У постели по ночам дежурили сёстры и няньки, одна из них била меня по носу при попытке повернуть голову. Это значит, что и кормили с ложки и всё остальное прочее, что полагается, было.

8 августа

В палате всего было 8 коек, восемь больных. На протяжении тех 100 дней, что я там пробыл, многие выписались значительно раньше, на смену им появились другие и в свою очередь тоже выписались. Но один из больных оставался всё это время, т.е. прибыл в больницу значительно раньше меня и оставался в ней и в день моей выписки. О нём я тоже хочу рассказать.

Болен он, видимо, чрезвычайно серьёзно. Болезнь его – результат несколько лет тому назад перенесённой аварии (кажется, воздушной). Был инфаркт. Теперь у него ужасное расширение сердца, слабый пульс (чуть ли не 30-40), плохо с почками. Явления ревмокардита. Зовут его Сергей Тихонович Цыганков. Это один из крупнейших ракетостроителей, руководитель одного из конструкторских бюро. Ему пятьдесят с чем-то лет.

Ещё в самые первые дни в больнице, лёжа навзничь на спине, видя перед собой потолок и два белых ламповых колпака и прислушиваясь к голосам соседей, т.е. стараясь различить их по голосам, я легче всего выделил голос именно этого человека: его юмор, его добродушие, его благое влияние на всё население палаты. Сейчас, насколько я знаю,

он уже тоже выписан из больницы и, значит, либо живёт где-то на даче, либо находится в санатории.

Личность это замечательная во многих отношениях и прежде всего в том первоначальном и самом насущном, самом главном, которое связано с человеческим общежитием. Можно констатировать совершенно точно: если бы не Цыганков, не его улыбка, не его мужественное отношение к собственной болезни, если бы не его пример на протяжении этих ста дней, право, не знаю, как вынес бы я эту болезнь и эту больницу!

9 августа

Да и другие палатные соседи, каждый по-своему, очень запомнились. В первые дни моего пребывания там начал подниматься с постели и понемножку двигаться старый врач (старше меня на год), тоже инфарктник, Соломон Матвеевич Рабинович. В то время меня и сместило и раздражало его трепетное отношение к собственной персоне с подробным перечислением всех своих ощущений вплоть до мельчайших, а главное, его панический страх эмоций. Но, может быть, незачем хулить за это бедного старика, прошедшего весьма нелёгкую школу жизни.

И ещё один больной, уже со вторым инфарктом, Ефим Иванович Житарёв, принесённый на носилках гораздо позже меня, тоже маньяк собственного здоровья. По сравнению с Цыганковым оба они – и Рабинович и Житарёв – люди с другой планеты. Однако, горизонтальное положение всех уравнивает.

В начале мая появился в палате сравнительно молодой человек (41 год), снятый с самолёта с жестоким радикулитом. Первое время он просто плакал от боли. Это работник прокуратуры РСФСР, Григорий Рувимович Латнер. Он родился недели через две после моего Вовы. Пять лет на войне. Потом юридический факультет МГУ. Потом пятнадцать лет работы в глуши Владимирской области. В голове у него случайные обрывки знаний, обо всём понемногу. Этот прокурор не читал «Преступления и наказания» Достоевского! Зоя в первые же дни его пребывания в больнице достала книгу, принесла ему. Он пробыл ещё 2 месяца рядом со мной, но Достоевского так и не открыл. Я подружился с ним, может быть, потому что ясно увидел в нём типичное явление времени, продукт бурного воспитания и результат всех несчастий, которые свалились на голову именно этого поколения. Не все Межировы, не все талантливы!

В целом же для нашей палаты был характерен дух кавалерийской казармы с весьма вольным обращением с русским языком. Здесь проявился инстинкт самосохранения. Так выработывалось товарищество восьми несчастливцев разных по возрасту, по культуре, по профессии, по заболеванию. Я ничего не сказал о медперсонале, о сёстрах и няньках. А ведь именно им, этим смиренным, кротким, безотказно работающим женщинам каждый из нас очень обязан!

11 августа

Получил вчера чистые листы «Путей поэтов», а в редакции есть уже и сигнал. Это очень важно и очень хорошо для меня и в материальном отношении (за 2 издания около 3,5 тысяч), и во многих других. Надеюсь на прессу – на 2-3 статьи обязательно. В книжке 470 страниц, она стоит 93 коп. и её внешний вид (бумага, переплёт) очень приятен. За несколько месяцев (после 12 апреля) первое хорошее событие.

<...> Но увы! Работать пока совершенно не могу: мысли скачут в разные стороны, какое-то смещение, смятение чувств, неуверенность, нет чувства необходимости, т.е. отсутствует главное для любого труда!

Эпиграмма Щербины⁶². Перед памятником Петра Великого:

Нет, не змия всадник медный
Растоптал, стремясь вперёд,
Растоптал народ наш бедный,
Растоптал простой народ.

(Опубликована в “Русской истории”, январь 1872 г.)

Уже есть и тираж «Путей поэтов». Это я узнал по телефону – от Шиперовича.

19 августа

Читал все эти дни Дюма⁶³ и никак не мог вспомнить: в первый ли раз или уже когда-то он был у меня в руках. Как всегда, у Дюма много явной чепухи, и всё-таки это великолепно. Так можно и даже должно писать исторический роман. Этот гениальный выдумщик, декоратор, костюмер, режиссёр, инсценировщик играл в чрезвычайно увлекательную игру с историей, с патриотизмом своих читателей-современников, он затрагивал множество самых разнообразных струн одновременно. Его старание было обречено на успех.

В романе о Калиостро⁶⁴ есть черты модной сейчас «научной фантастики». Дюма откликается на современное ему увлечение гипнотизмом, месмеризмом, откликается весьма бесшабашно и лихо: ему всё нипочём, ему, как пьяному, море по колено. Честно говоря, это хороший метод. Он выводит наверняка мощного выдумщика. Фигура Калиостро, масона и заговорщика, который ворочает всей мировой политикой, и благодаря своим тайным связям с потусторонними силами подготавливает революционную ситуацию в середине XVIII века во Франции, во время царствования Людовика XV⁶⁵, – эта фигура вылеплена на славу. Она поэтична и потому правдоподобна.

Всё, что можно сказать против, остаётся в силе: здесь и халтура, и дешёвка, и концы не связаны с концами, и желание потрафить сразу слишком многим. Да, да, всё это, конечно, так, но в результате – свежее, веселое, жизнестойкое творчество, которое будет радовать ещё не одно человеческое поколение!

24 августа

Ещё один роман Дюма из серии, связанной с революцией XVIII века. На этот раз 89-ый год, взятие Бастилии, октябрьские дни в Версале. На этот раз несравненно хуже, чем в романе о Калиостро: много поверхностной публицистики, а портретов и живых характеристик нет. Когда-то я всё это читал.

25 августа

Писатель Г. Шторм⁶⁶ прислал на днях мне свою книгу о Радищеве⁶⁷ «Потаённый Радищев». Это интересное исследование. Главное в нём не находки, не вновь обнаруженные факты, а способ изложения. И мне пришло в голову, что у нас существует весьма сильная группа литературоведов-следопытов, так или иначе перекликающихся друг

с другом. Это Андроников, Фейнберг⁶⁸, Андреев-Кривич, и вот Шторм. Не знаю, как они относятся друг к другу, может случиться, что и не слишком признают друг друга. Но это неважно. Их объединяет нечто вроде охотничьего инстинкта, азарт, ясное понимание того, что в науке нельзя пренебрегать малым, что и малейшее чревато возможностью открытия.

У Шторма эти черты особенно явственны, даже, если угодно, показательны, потому что он по ходу изложения объясняет свой метод, подробно о нём распространяется, как это мог бы сделать в конце сеанса какой-нибудь фокусник. Поэтому и книга его беллетристичнее, нежели другие подобные ей.

Андроников, в сущности, пишет ещё увлекательнее, сам захлёбываясь от восторга. Он наивнее, жизнерадостней, моложе в культуре, чем Шторм. Его наступательный, атакующий пафос действует вернее на читателей, чем манера Шторма.

28 августа

Ну вот, завтра кончается наше пребывание здесь, в Узком. Завтра вечером снова Пахра, на этот раз прочно. Впрочем, тьфу, чтобы не сглазить. А то ещё угодишь, чего доброго, в ту же Боткинскую больницу, в тот же корпус № 7...

Пуганая ворона куста боится. А я после всей этой летней заварушки становлюсь, видимо, типичным инфарктником, т.е. таким субъектом, который мне казался самым неприятным видом труса, эгоиста и перестраховщика. Даже уже лёжа в больнице я смотрел с презрением на некоторых больных, моих соседей, осторожных, боявшихся двинуть руками и головой, щупавших испуганно собственный пульс... Я не хочу сделаться таким же. Это просто противно.

30 августа

Вот уже целые сутки мы снова здесь и не можем наглядеться, налюбоваться, наумилиться на свой дом. Даже не потому, что он хорош (хотя он действительно хорош), но потому что свой, что столько уже прожито пережито в нём и хорошего и дурного в течение девяти лет. (Сначала я написал «в течение семи», не сумел правильно сосчитать.) Девять лет – это не шутка. Это и смерть Володи Луговского, и гибель Фадеева, и брак Симонова и Ларисы⁶⁹, и рождение Кати, и появление Беллы Ахмадулиной и Евтушенко, и дружба с Нагибиными, Фишами и Верейскими, и заново утверждённая дружба со всеми Матусовскими, и Бельгия, и Китай, и Вьетнам, и Болгария, и Югославия, и несколько моих книг от «Поэтов и времени» вплоть до «Четвёртого измерения», и смерть Марии Васильевны⁷⁰, и я уже не стану перечислять событий общественных и политических.

Несмотря на ужасное, дождливое и холодное лето, буйно цветут флоксы.

31 августа

У меня сейчас только одна забота, одна тревога, и она растёт с каждым днём и с каждым часом. Смогу ли я приняться за работу? Когда и как это произойдёт?

Пока что мне мешало чувство бивуака. Оно сохранялось и первые десять дней здесь, и весь месяц в «Узком». Сейчас оно должно бы, кажется, пройти, потому что нигде, кроме Пахры, мне уютно и прочного быта не найти. В Москве на улице Щукина они немислимы пока нет лифта. Так что же мешает работе сейчас? В середине дня приехал Микола Бажан и привёз мою дочь Кипсу. Мы ждали их обоих. Обедали все вместе. Потом Кипса уехала:

завтра первый школьный день у моей внучки Катюши. Ещё в июне она выдержала «конкурс» и принята в школу французского профиля. Завтра 1 сентября, и все цветы в Москве раскуплены, остались одни только чахлые веники. Кипса уехала от нас с большим букетом флоксов всех цветов и оттенков.

С Миколой – весь вечер говорили на современные горькие темы, от которых крушится мозг и ноет сердце. На наших глазах идёт зловещее продолжение зловещей русской истории. Царствование Николая Первого кончилось вместе со Сталиным. Потом был шут гороховый Хрущёв, это продолжалось, как ни верти, одиннадцать лет. Он сделал много добрых дел, но в основе дикого и бесправного государства ничего не изменил. В октябре прошлого года мы задали вопрос друг другу: что дальше? Но и сегодня, через десять месяцев, ответа ещё нет.

3 сентября

Ещё и ещё раз, чуть ли не каждый день заново, приходится убеждаться в том, что я стал инвалидом. Это перемена коренная. Никакие таблетки, никакое питьё не исправляют дела ни на йоту. В сущности, я постоянно чувствую своё сердце, его тяжесть, его центральное положение в теле, прикреплённость к нему других, чуть ли не всех, мускулов и нервов. До инфаркта этого, конечно, не было. Я вообще не знал, что такое сердце.

12 сентября

Каждый день и каждый час, очень медленно, но всё же выздоравливаю: силы физические, да и духовные, возвращаются. Сердце уже не болит, сон крепкий. И постоянное желание двигаться, ходить, шагать: это явная потребность всего организма.

Наконец, два дня тому назад первая проба работы! Приехал мой недавний друг Олег Лозовецкий, редактор из Гослита, по делам связанным с книжкой Бодлера. Ещё до его приезда я правил корректуру. Убедился в том, что моя статья возмутительно сокращена и, сверх того, в неё вставлены куски очень бездарного сочинения. Мне удалось поломать всё это и вставить кое-что вновь написанное.

С интересом, как бы впервые, читаю Стендаля⁷¹ – две его автобиографические вещи: «Жизнь Анри Брюлара» и «Записки эгоиста». Это очень современно написано, ни дать ни взять, М. Пруст⁷², но серьёзнее по смыслу. Пруст возник на пустом месте, на безвременье, а Стендаль – в центре великой исторической эпохи.

Мне очень нравится мысль Стендаля, что книги – это лотерейные билеты, по которым иной писатель выигрывает читателя через 50, а то и 100 лет... С этой точки зрения, самый богатый выигрыш пал, кажется, на долю Сервантеса. Не говорю о Шекспире, потому что он не книга, но, прежде всего, театр, свет рампы, голоса, действия и души актёров.

13 сентября

Стендаль жил в эпоху, когда время было физически ощутимо для него самого и для миллионов других людей. Поэтому человек без конца задаёт себе вопросы: что я такое, что я значу и значу ли вообще что-либо, каким я был тогда-то или тогда-то, чем обусловлены перемены во мне?.. Всё это вопросы человека исторического по преимуществу, остро

чувствующего феномен собственного развития. Данный феномен и составляет содержание внутренней жизни.

И действительно, подросток в Гренобле на уроках латыни и математики, подросток в Париже, молодой солдат, перебравшийся в Милан, – всё это люди разные не потому, что рос человек, а потому, что со страшной силой вокруг него рушилось одно общество и росло другое.

А Марсель Пруст находился в диаметрально противоположном положении. Время вокруг него стояло плотной стеной, оно было неподвижно, как четыре тысячелетия китайской истории, его давила «китайщина» французского общества с его разобщёнными кастами и он, бедняга, интеллеktуал, острейший и изящнейший ум, оказался рабом этой кастовости. Так что его путешествие «в поисках утраченного времени» в сущности не было путешествием: ни одного сантиметра расстояния он не пересёк... Всё – вокруг себя, вокруг своего дивана, письменного стола, книжного шкафа.

Но какая красота наш участок, этот возделанный руками и фантазией Зои зелёный рай! Особенно сейчас, осенью, когда флоксы всё-таки пощажены дождями и ветром, пахнут горько и нежно, виноград с каждым днём краснеет всё больше и больше, георгины вымахнули вверх и цветут ярко. Мальвы, гортензии, красные плоды шиповника, рябина... Стоит только пробиться на час, на полчаса солнцу, и всё это богатство оживает, начинает дышать и трепетать. Мне остаётся благодарить судьбу за то, что вот ещё одну осень я остался жить на земле и, может быть, увижу ещё одну весну, ещё одно лето.

15 сентября

Читаю письма Стендаля, до того читал его дневники. Конечно, он перегнал всех своих современников (и соплеменников французов особенно) в отношении того как свежо сохранился для XX века. Ни Бальзак, ни Гюго, ни Ж. Санд⁷³, ни даже его друг Мериме⁷⁴, никто не может тягаться с ним. Но что же его так сохранило, в чём секрет этой живучести и этой силы? Я думаю, он в отвращении к литературе, к фальши, в чудовищной надменности Стендаля. Это страшный белоручка! Лентяем он никогда не был, но грязной работы гнушался. Время обходилось с ним весьма круто; его преследовала дополнительная трудность: скрываться, путать цензуру и почту, придумывать себе псевдонимы и шифры. Но эта трудность постепенно превратилась в увлекательную игру для него, в какое-то кокетство своего рода.

Словом, Стендаль – очень привлекательная фигура. И я хорошо понимаю, почему так увлёкся им ещё в 20-х годах Анатолий Корнилович Виноградов⁷⁵, которого я сейчас непрерывно вспоминаю и всегда добром. Я думаю, что его время не за горами.

Мне предстоит несколько дел, вполне технических, но они занимают и беспокоят меня, потому что я очень отвык от всякого дела. Первое из них – приготовить и сдать в издательство рукопись книги своих избранных переводов; я назвал её «От Бодлера до Элюара». Есть большой смысл в таком ограничении: как-никак, я представляю в сборнике целое столетие французской поэзии. Книга по-своему цельна и тематична. Правда, самого себя я этим ограничением явно обессилил: лучшее у меня это всё-таки Гюго и Барбье⁷⁶. Но тут уж приходится жертвовать..

Второе, ещё более важное дело – встреча с редактором моего двухтомника. Редактор некто Красноглядова. Она должна приступить к чтению моей рукописи, которая находится в Гослите чуть ли не с марта. Книга должна выйти в будущем году и важно,

чтобы к концу этого года она попала в производственный конвейер. На этот счёт в Гослитиздате существует образцовый порядок. Во всяком случае, раньше так было. Как обстоит дело сейчас, при нынешней разрухе и всеобщем одичании, не знаю.

Третье дело – надо всё-таки хлопотать насчёт пенсии. Ведь я уже подарил государству девять пенсионных лет! Если считать по 100 руб. в месяц, то выходит 1200 руб. $\times 9 = 10600$, почти одиннадцать тысяч, на которые можно долго жить!.. <...>

17 сентября

Наша земля полнится всякого рода слухами: сенсационными, дикими, ни с чем не связанными. Они возникают внезапно и стихийно, и, как ни странно, почти всегда сбываются.

Например, о том, что Бродский, наконец, выпущен и находится на свободе. Этому предшествовал рассказ Олега Лозовецкого о том, как главный редактор Гослита Пузиков внезапно распорядился восстановить недавно снятые переводы Бродского в разных книгах, выходящих в Гослите. Все это по слухам связано с неким разъярённым письмом Алексея Суркова на имя Брежнева, в котором он, Сурков, отказывается от каких бы то ни было выездов за рубеж и представительств нашей державы, в которой, дескать, творятся такие беззакония, как дело Бродского...

Но рядом с этим давно жданным известием есть другой слух – о том, что арестован Андрей Синявский⁷⁷ (молодой критик, автор вступительной статьи в однотомнике Пастернака) и ещё какие-то молодые критики... За что – непонятно. Говорят, за хранение нелегальной или вышедшей за рубежом литературы...

И рядом со всем этим процветающий Гарсис,⁷⁸ которому у нас разрешено получать валюту за его бездарные романы, выходящие за рубежом.

Говорят ещё, что Поликарпов серьёзно болен, чуть ли не умирает. В течение ряда лет он считался (и, очевидно, действительно был) самым оголтелым тормозом во всей нашей культуре. Однако можно быть уверенным сегодня: на смену явится другой, ещё худший тормоз. Так всегда случается.

За вчерашний день я сделал два организационных дела. Первое – послал редактору Шуплецову⁷⁹ полную машинную рукопись своего сборника «От Бодлера до Элюара». По договору я должен был представить эту рукопись ещё в марте. Они её давно ждут. Второе – послал редактору сборников фантастики свою сказку про Копьетряса. Я по-прежнему знаю, что сказка нуждается в доработке и обязательно буду её дорабатывать, но мне нужен сейчас свежий и посторонний глаз на сделанное весною.

Сегодня произошло самое хорошее. Зоя привезла из Москвы первые 15 экземпляров «Путей поэтов». Книжка выглядит очень красиво.

Если отдать самому себе отчёт в собственных интересах, тревогах, заботах (которые к тому же ты делишь со всеми окружающими, близкими), то совершенно ясно: вот она, неподвижная точка, к которой приковано сознание, вот о чём непрестанно спрашиваем все мы и друг у друга, и у самих себя за неимением других оракулов, других авторитетных инстанций: что будет с нашим обществом завтра, послезавтра? Куда мы идём, куда, в какую пропасть неизбежно катимся? А все показатели, все дорожные знаки сходятся на том, что впереди – явная пропасть.

То, что на газетном расхожем языке у нас называется хулиганством, на самом деле есть проявление классовой ненависти, которую те же газеты разжигали много лет подряд

и продолжают разжигать сейчас. Блатной и фекальный стиль выступлений Хрущёва тоже сыграл здесь роковую роль. Классовая ненависть выражается в мелких гадостях, в том, что топчут, рвут зазря цветы, ломают неизвестно зачем заборы, швыряют камни в животных, детей, стариков. Здесь царствует атмосфера безнаказанности, разгильдяйства, всеобщего оцепенения пред растущим бедствием. Милиция жалуется на свою беспомощность.

Между тем, сама милиция вкупе со своими добровольцами, дружинниками, участвует в насаждении этого всеобщего, всё охватившего бедствия. Милиция привлекает за хулиганство мирную молодёжь на речных и морских пляжах за мирные хоровые песни под гитару, за хождение в шортах... Это всё та же классовая ненависть: ненависть кретина к красоте, малограмотного к культуре. Формы этой низкопробной ненависти страшно многообразны, каждый день они видоизменяются. Я полагаю, например, что в сущности весь Съезд писателей РСФСР, всё его внутреннее обоснование, весь этот зубовный скрежет были проявлением всё той же глубокой гаммы обиды неполноценных.

Почему так дружно ополчились столь многие на известную статью Померанцева об интеллигенции, напечатанную в своё время (кажется, ещё в январе, а может быть и раньше) в “Правде”? Кого не устраивал, кому мог быть невыгодным этот естественный призыв к культуре, к уважению по отношению к ней, ко всяческой интеллигентности?

Я пишу всё это, а на самом-то деле просто руки опускаются, стоит только всерьёз подумать о настоящем положении вещей, стоит только вспомнить о том, как отмалчивается, отмахивается, отталкивает от себя всякую ответственность так называемое руководство... Или вспомнить о том, сколько беспардонной лжи на газетных полосах вчера, сегодня, завтра... <...>

Общее положение гораздо сложнее, чем можно себе представить. <...> На каждом шагу в каждодневной практике, скажем, на встречах с современными аудиториями: студенческими, учительскими, производственными, – мы непрерывно сталкиваемся с растущим культурным одичанием. Но, может быть, мы не там ищем, где надо! Может быть, стоит отъехать на 300 километров от проклятой Москвы, от близости начальства, и попадешь в совершенно другую обстановку? Такие случаи тоже бывали. А если перевалить через Урал?..

18 сентября

Моё дело – не сторона. Отнюдь нет! Я нахожусь внутри несчастья, одна из многочисленных ЖЕРТВ эпохи. И в здравом уме и в твёрдой памяти сознаю себя таковой жертвой. Но ни на что не собираюсь закрывать глаза.

Но в силе остаётся также и другое. 1) Мой дом – моя крепость. Дом – в распространённом смысле слова. Сюда включается прежде всего полная свобода мышления и воля к творческому труду. То и другое непреодолимо. Этот «дом» защищён большим запасом равнодушия к некоторым жизненным благам и к большинству жизненных невзгод. В сказанном нет лицемерия (мол, «виноград зелен»), нет и хвастовства.

23 сентября

Вчера получил от В. Орлова письмо и «Записные книжки» Блока (давно обещанное Гослитом дополнение к восьмитомнику Блока). Тираж сто тысяч. Пятьсот страниц текста

и полтораэта – примечаний (Орлов). По сравнению с давнишним двухтомным изданием здесь много впервые опубликованного, и это очень важно. Особенно 17 год, секретарство в Чрезвычайной комиссии. Удивительна непрерывная, ни разу не ослабевшая добросовестность Блока, которая только наполовину может быть объяснена его интересом к делу. Сверх этого художнического, писательского, да и гражданского интереса – истовая преданность человека, впервые, может быть, почувствовавшего ответственность за порученное ему дело. В 1917 г. Блоку было 37 лет. Может быть, мне следует написать о книге в “Литературной газете”. Послал В. Орлову свои «Пути поэтов».

Вчера у меня весь день был Андрей, которого я, как всегда, очень, очень люблю – до ненормальности люблю, часто жалею, иногда недоумеваю. Хорошо знаю, что он недюжинный парень, впрочем, это известно многим людям (университетским). В чём-то он и недоделан. Ему 23 года с половиной. Расцвет юности. Но он страшно молчалив, замкнут, и самое странное, что как будто не тяготится этим. Значит, это не застенчивость, а нормальное его состояние. Когда стараешься вывести его из этого столбняка, он сердится, раздражается, ещё больше уходит в себя. Говорят, что это вообще свойственно математикам, но я в первый раз встречаюсь с такой юностью. И чьей же?! Собственного внука! И мы решили по возможности меньше его раздражать и тревожить: если справедливо общее впечатление от него, если верно, что он исключительно одарён в математике, то нам надо беречь Андрея и не мешать ему.

Балаган и балкон – как два слова европейских (одно русское, второе испанское), происшедших от одного арабо-тюркского корня: бала-хана (высокий помост). Эта давнишняя филологическая новелла взволновала меня крайне! Но вот ещё одна: наш сарай и западный сераль (от персидского, к нам пришло через татар) тоже имеют общее происхождение. Думаю, что можно найти и другие, схожие случаи. Интересно этим заняться.

25 сентября

Вчера первый раз после больницы был в Москве. Началось с той же Боткинской больницы и седьмого корпуса, с консультацией у того же доктора, у замечательной моей спасительницы, Лидии Карловны Бегловой, которой я обязан жизнью. На этом утверждении сходятся и Зоя и Кипса и, очевидно, так оно и есть. Лидия Карловна – необыкновенно самоотверженное существо. Никто в многочисленном персонале больницы в такой степени не отдаёт себя делу, как она. Сверх того, у неё глаз – алмаз, и это не только ОПЫТ, но, в первую очередь, талант врача. Результат консультации тот, что у меня всё в порядке, прогресс в сторону выздоровления. Разрешено расширить режим, в частности, перебраться на второй этаж. И это сразу нормализует и упорядочит нашу жизнь.

27 сентября

В одиннадцатом томе Тарле⁸⁰ среди многих интересных небольших статей есть одна поразительная. Речь идёт о записке, которую подал царю Николаю Второму⁸¹ за полгода до Первой мировой войны бывший министр внутренних дел, а в те времена член Государственного совета (верхней палаты) П. Н. Дурново, монархист, консерватор, черносотенец. Записка с предостережением относительно войны с Германией, относительно союза с Францией и Англией.

Она полна предсказаний настолько точных и так одно за другим исполнившихся, что просто удивляешься трезвому уму, историческому чутью и широкому охвату темы у автора. Несмотря на весь его монархизм и самые реакционные тенденции, он, видимо, оказался единственным в тогдашнем русском обществе проницательным человеком. Да и честным! И ни тени холуйства, ни тени шовинизма. Наоборот, всё трезво, спокойно, без выкриков, без подобострастия, без публицистики в какую бы то ни было сторону.

В связи с этим чтением, да и вообще со многим из того, что я за это время прочёл и перечёл – от «Записных книжек» Блока до романов Дюма, – я снова и снова, который раз убеждаюсь в том, что история это единственная из наук, которая хоть как-то, хоть и слабо, но помогает жить нам, современным русским людям, а может быть, и всем европейцам. Уроки истории до некоторой степени освобождают от чувства одиночества во времени, в каждом из текущих периодов общенародной и личной жизни. Я не умею выразить понятнее свою мысль, хоть она не так уж нова для меня и вообще кажется непреложной. Нет, не только непреложной, но и крайне важной, насущной, организующей всё, вплоть до поведения.

Но если тут же обратиться к нашему сегодняшнему историческому дню или часу, то сколько там ни читай исторических книжек, сколько ни готовь, ни открывай ум или воображение для всяческих аналогий, это ровным счётом ничему не учит, ничему не помогает. Во всяком случае, мой ум, моё воображение, моя «начитанность» никак не способны ни к каким предсказаниям и прогнозам. Ничего, кроме мрака я впереди не вижу. Мрака и одичания. Мрака и гибели.

28 сентября

Вторая половина XX века – эпоха самых сногшибательных, самых вопиющих противоречий. Грандиозное развитие всяческой техники, совершенные, кажущиеся почти волшебными методы исследования и анализа, а рядом самое подлое одичание, такой неприбранный затрапез, такая моральная нетребовательность, такое роковое ВСЁ РАВНО, которого не знали даже доисторические народы. Вот первое противоречие. Оно внутри культуры, её внутренний аккомпанемент, её всегда подразумеваемый фон, т.е. некоторый подземный гул, сопровождающий самые мажорные фанфары, самые великолепные торжества и триумфы. И это повсеместно: у нас и в Соединённых Штатах одинаково. На всём, к чему ни приглядишься, неуловимый (вернее сказать, очень уловимый) оттенок хулиганства и хамства.

Несмотря на всевозможные предсказания и предупреждения XIX века о том, что «демократия приходит опоясанная бурей», демократия на наших глазах являлась и продолжает являться совершенно по-другому. Так что из всех некогда прозвучавших предсказаний больше всего вспоминается **грядущий хам** Мережковского⁸².

С этим типом сталкиваешься на каждом шагу.

С каждым днём и часом этот персонаж (ХАМ) самодовольнее и твёрже на ногах. Его реплики приобрели характер истин в последней инстанции. Он диктует законы, нормы поведения, даже нормы логики. Какая там к чёрту диалектика! Люди попросту забыли, в чём состоит этот божественный дар Гегеля⁸³ и Маркса⁸⁴. Каждому привыкшему к минимальной опрятности противопоказано читать газеты. Он рискует запачкаться буквально с первой же строки передовой. Если не запачкается о смысл и содержание (самый частый случай), то запачкается о безграмотность, о грамматику и синтаксис. Грязь,

езде неприбранные кучи прошлогоднего мусора, всё захламлено, забито обломками, куда ни повернись.

29 сентября

Я переехал, наконец, на второй этаж, в эту любимую комнату, с которой расстался 12 апреля и с которой столько связано за девять лет. В сущности, связано всё не только лучшее, но и единственно важное, о чём стоит помнить. Как же теперь сложится в ней дальнейшая жизнь?

1 октября

Две ночи мы ночевали наверху, но ограниченное пользование вторым этажом – только утром и вечером – не очень мне нравится. Однако, я стал очень кротким, послушным и незлобивым человеком, пускай дело идёт как ему полагается, я готов на всё.

Начал сегодня кое-что записывать (очень начерно) в исполнение ещё больничного замысла – о некотором возрождении религиозного, точнее христианского сознания. Моё писание есть думание вслух. На что-нибудь большее я пока не претендую.

2 октября

<...> Были здесь обе мои сестры и провели весь день, Маня и Надя.⁸⁵ Очень редко, ненормально редко мы встречаемся все вместе. Это дурно, и мне приходится взять на себя вину и ответственность за всё это. А ведь так нетрудно наладить обратное! И каждый раз, когда мы всё-таки сходимся вместе, возникает тот же жалобный и бесполезный разговор: хорошо бы поскорей опять... И опять проходят месяцы и месяцы... <...>

6 октября

Сегодня весь день у меня был Л. И. Левин, который будет писать обо мне книжку. Я давно ждал его приезда. Мы довольно складно поработали. Во всяком случае, установили библиографию, что не так уж трудно, не так громоздко. Снабдил его рукописью «Повесть временных лет», моим «институтским» альбомом, всякими газетными вырезками. Он уехал нагружённый и, кажется, удовлетворённый вполне. Предупредил, что ещё неоднократно приедет. И это тоже очень хорошо.

Может быть, мы сделали бы и больше того, но вдруг явился неожиданно гость: какой-то парень 23 лет со стихами. Он студент технологического института, довольно шалый, то ли запуганный, то ли слишком гордый, что-то в нём жалкое. Стихи плохие и слабые, но обаяние в этой слабости какое-то померещилось мне. Он пробыл часа полтора, ушёл к автобусу пешком, так же, как пришёл. Может быть, я и резок был с ним, но упрекнуть себя в невнимании не могу. Однако он как-то смешался, и в конце стал пороть какую-то чушь. Теперь, через несколько часов я соображаю, что этот человек прежде всего социально растерян, ни в чём вокруг себя не видит просвета, света не видит. В этом всё дело. <...>

9 октября

Вчера Зоя привезла томик Фр. Кафки, а также полтора экземпляра «Путей поэтов». Сегодня клеил заказные бандероли и прочёл «Процесс» Кафки.

10 октября

К сожалению, весь этот роман («Процесс») очень многие мне довольно подробно пересказывали, одни выделяли одно, другие – другое. Поэтому впечатление и восприятие не были такими сильными, как могло быть. Но, конечно, это вещь грандиозной силы и значения. И, как всегда бывает с такими произведениями, оно само как будто кладёт яйца в мозг, а из них вылупляются неожиданные существа, неожиданные чувства, мысли, решения, страхи и открытия.

Я не хочу до поры до времени давать в них отчёт самому себе.

Пока следует сказать о другом. Кто посмел взять на себя право не давать мне в руки этой книги, этого писателя в течение стольких лет? Кто решал судьбу моего развития: духовного, нравственного, художественного, общекультурного... какого угодно?.. Чем я хуже француза, англичанина, поляка, чеха, румына? Почему я должен быть беднее их всех, прочитав только сегодня писателя, прогремевшего во всём мире и на всех языках мира двадцать или больше лет назад? Я мог бы, конечно, прочесть Кафку по-французски или на другом языке. Это моя вина, что я не удосужился быть жадным, но ведь речь идёт не обо мне лично, а о миллионах таких же, как я, советских жителей! Когда всерьёз задумаешься об этом, сердце разрывается от негодования, тоски, горя.

Да я и не хотел читать Кафку не по-русски, не хотел читать русского перевода, перепечатанного на машинке, точно так же, как до сей поры не прочёл и не стану читать «По ком звонит колокол»... Ничего не поделаешь, приходится ждать, как ждут другие русские читатели.

А о «Процессе» по существу надо сказать, что это роман обо всех нас в 37-ом, в 49-ом и в 53-ем году⁸⁶ <...>. Прочтя его, я вижу, что автор не однажды в жизни видел таике сны: с загаженными чёрными лестницами, с канцеляриями, с мрачными комнатами для ожидающих посетителей. Именно во сне видишь более достоверную действительность, чем наяву. С чем можно сравнить это в мировой литературе? Разве только с Достоевским, со снами Свидригайлова⁸⁷, наверно.

В книжке кроме романа есть рассказы и притчи. Всё хуже «Процесса» за исключением «Превращения»

<...> ... портрет Кафки. Он – красавец, чем-то похож на Пастернака, то же лицо бедуина-араба Медждуна: огромные уши, тонкий нос (наверно, горбатый), что-то лошадиное в лице. Наверно, был красавец.

12 октября

Кафка – явление несчастное, не только потому, что болезненное, обречённое на раннюю смерть и деклассированное. Всё это причины малого порядка. Несчастное потому что безвременное. Яснее эта безвременность в мелких рассказах. Их не надо было переводить – они рисуют автора как писателя неустоявшегося, а может быть, и несостоявшегося. И это – горькое разочарование.

Из того, что я прочёл, по-настоящему существует роман «Процесс» и рассказ «Превращение». Одно другого стоит. Остальное – труха, стружки, упавшие на пол, горестные черновики, материал для литературоведов, а не для читателей. Между тем, остаются два романа, которых мы, русские читатели, ещё не знаем. И может случиться, что чтение их ещё раз перевернёт моё суждение об этом писателе.

15 октября

Утром, только я встал, ни с того ни с сего пошла из носу кровь. Лёг ничком на диван и вскоре она прекратилась. В чём дело – непонятно. Но бедная моя Зюечка, измученная всем предыдущим, усталая после вчерашнего путешествия в Москву, тут же свалилась от головокружения и дурноты.

Мы оба старики. За эти полгода стали ими окончательно, и с этим надо мириться. Старость показывает своё настоящее лицо. Это не то благородное и спокойное лицо, которое было фасадом, а лицо изнанки – грязное, затрапезное, неприбранное, с ночным горшком у постели и прочими атрибутами, которые всю жизнь казались мне адом.

19 октября

Оказывается, Зюя скрыла от меня напрочь, как только она умеет скрывать, одну тревогу: письмо от Красногладовой, редактора моего двухтомника, с сообщением, что Комитет по делам печати сократил это издание на 9 или 10 листов. Зюя не показала мне этого письма. Она сама пошла в Гослит к Косолапову⁸⁸, звонила к Симонову, ещё куда-то и в результате добилась отмены этого сокращения. Но тут вмешались в дело бюрократическая система: уже разосланы книготоргом бланки на заказ таких двух томов, уже объявлена их цена 90 копеек за том, и это оказалось камнем преткновения: объём можно будет увеличить, но не до 35-ти листов (как было предусмотрено), а до 31-ого!.. <...> Так обстоит дело сегодня. Что будет дальше, неизвестно. Сначала я ужасно разволновался. Самое отвратительное чувствовать несправедливость и своё бессилие перед ней. Даже могу представить себе, что никто иной, а именно Поликарпов приложил сюда свою лапу! <...>

Сверх прочего, эта Красногладова занята какими-то партийными делами и вот уже месяц откладывает свой приезд сюда. Но книги давно пора пускать в производство! И ещё одно. Я давно договорился с Володей Орловым, и он согласился написать вступительную статью к двухтомнику. Однако, Гослит так и не удосужился обратиться к Орлову с соответствующим предложением, а меня обманул, будто такое предложение сделано. И вот только недавно письмо было послано. Но Орлов, не умеющий работать быстро на заказ, поставил срок: март будущего года. Что ж, я вполне могу обойтись без вступительной статьи – больше войдет намеченных стихов.

А Зюя – чудо. Вот что самое важное.

23 октября

Вчера был день рождения Вовы. Ему исполнилось сорок два года.

Сегодня, наконец, приехала Л. М. Красногладова (мой редактор из “Гослита”). В результате мой двухтомник сокращён, здорово живёшь, на почти три тысячи строк!

Несчастье это или нет? Как посмотреть! Всё-таки, составляя это собрание, я о чём-то мечтал, представлял себе, как я должен выглядеть перед читателями к своему семидесятилетию. В результате зверской операции многое урезано и искажено. Снята «Ярославна», снят «Водный рубеж», но в большинстве – отдельные стихи, части в циклах. Пострадала при этом и публицистика. Но сохранено всё новое, ни разу не печатавшееся. Сохранены такие новые циклы как «Кубок Большого Орла» и «Сумерки трагедии». То и другое важно. И сейчас, уже совсем придя в себя, скажу: ни о чём не надо жалеть.

Зоя непрестанно заботится о том, чтобы я <...> не терял головы. Напоминает о Пастернаке, о Василии Гроссмане, о Солженицыне⁸⁹ и о скольких ещё... <...>

25 октября

Как ни верти, как ни жалуйся на безделье, а ведь сказка об Орфее⁹⁰ у меня чуть ли не каждый день понемногу движется, и я уже почти закончил весь эпизод в аду. <...> Писать мне интересно, но что выйдет – один бог знает. Если в прологе, написанном ещё до болезни, было много стихов, то сегодня, в «адских набросках», действуют и разговаривают главным образом в прозе: и Харон, и Цербер, и Плутон с Прозерпиной, даже Сизиф и Тантал.⁹¹

И Орфей показан недостаточно: нет его победы. Орфей не поэт, не гений, не повелитель стихий, а он должен быть в центре события, выходящего за пределы жизни и времени. Иначе незачем браться за такую тему!

Я начал без точного прицела, в расчёте на то, что сам процесс работы разбудит нужные силы. И в этот решающий момент ставлю перед собой задачу: именно в аду, при вызове тени Эвридики⁹², при том, как тёмные силы преисподней (смерти) сдаются Орфею, надо показать его самого должным образом. Как же это сделать? Вот поди ж ты!..

1 ноября

«Почти невозможно писать что бы то ни было, не напоминая хотя бы намёком об истинах, которые смертельно оскорбляют правительство». Стендаль.

2 ноября

Не могу, никак не могу примириться с этим дурацким сокращением на 3 тысячи строк в моем готовящемся двухтомнике. Почему я должен расплачиваться за халатность издательства и за самодурство чиновников или Комитета по делам печати? Пусть лучше они расплачиваются. Правда, платить-то им нечем.

Живётся по-прежнему крайне однообразно: и потому что заведён строгий режим и, главным образом, потому что ничто и никто не отвлекает, не врывается извне.

Зоя закончила своего Макбета. Сегодня весь день у нас пробыл Владимир Михайлович. Всякий раз, в конце работы он требуется ей для свинчивания тяжёлых элементов скульптуры, для их склеивания и прилаживания друг к другу: ей самой не хватает силы. Вещь получилась одна из лучших у неё, по-моему: Макбет с тремя летящими ведьмами. Смелая композиция, и она дышит тем самым средневековьем, совсем не условным и не расхожим, которое нам обоим с давних времён было дорого и близко.

Кстати, и я тоже в это время ещё раз взялся за иллюстрации к своему «Вийону».

5 ноября

Прочёл за эти дни роман ещё одного западногерманского писателя Кеппена⁹³ «Смерть в Риме». Это по-своему занятно, может быть и талантливо, но значительно хуже Бёлля: масса культурных ассоциаций. В их числе и фрейдовские явления, и борьба против неофашизма в Западной Германии. В целом же это модернистская потуга.

Ещё прочёл французский детектив «Ловушка для Золушки»⁹⁴, небольшой, компактный и построенный так хитро, что становится если не ловушкой, то, во всяком случае, неразрешимой загадкой для читателя. Интересная вещь. И мы оба и Нагибины теряемся в решении этой загадки.

6 ноября

Вчера вечером я получил очень хорошее, сердечное письмо от Николая Чуковского⁹⁵: он откликнулся на мои «Пути поэтов». Но, читая письмо, я не знал, что его уже нет в живых. Он умер неожиданно, безвременно, во сне – наверно, от чего-то вроде инсульта, шестидесяти одного года.

Непонятно, как, почему, в каком порядке уходят люди: сверстники, младшие, старшие. Здесь та же лотерея, тот же рок, что и на войне. Никто не может предсказать, где разорвётся мина, в какую сторону разлетятся осколки.

Коля Чуковский полный сил, добрый, изящный, по-своему очень одарённый и великолепно воспитанный, вымуштрованный жизнью и войной (он служил на флоте) человек, работоспособный писатель, с ясным и твёрдым взглядом на искусство. Вот уж никогда нельзя было подумать, что он перегонит в этой очереди меня и так внезапно и непоправимо скроется с глаз.

14 ноября

Выходит в «Огоньке» первое после многолетнего перерыва сравнительно полное собрание сочинений Грина.⁹⁶ Редактирует его Володя Россельс. Передо мной три первых, вышедших пока тома. Я многое перечитываю ранее известное и любимое: «Алые паруса», «Трагедия плоскогорья Суан», «Синий каскад Теллури», «Сто вёрст по реке» и ещё многое замечательное. В первый раз прочёл очень интересный роман «Блистающий мир», и в результате ещё раз, далеко не в первый, убеждаюсь в значении Грина, в его первоклассности, в нём как в открывателе. Но боже ты мой, какое убожество, какая пошлятина почти все его реалистические вещи с русскими именами и фамилиями, его никуда не годные попытки изобличить в чём-то эсеровщину и террор! Это никуда не лезет, ни в какие ворота.

Ведь рядом с ним, в одном десятилетии были и Леонид Андреев, и Андрей Белый, и Сологуб, и Куприн, а если говорить о меньших, то были Гусев-Оренбургский, Сергеев-Ценский, Арцыбашев, ещё кое-кто, кого и не припомнишь к случаю, но это и неважно. Ах да, были Савинков и Ропшин.⁹⁷ Целое поколение сгорело на трагедии 1905 года.⁹⁸

А с этого дурачины как с гуся вода. По-своему интереснейший случай: как много заново и свежими глазами увидел он в своём фантастическом мире и каким слепорожденным щенком был в жизни! Второго такого случая я что-то не припомню ни в

какой литературе. Я даже не знаю, стоило ли переиздавать весь этот хлам из текущей журнальной беллетристики десятых годов? По-моему, незачем это делать и этим компрометировать чудесного сказочника!

19 ноября

С 15-го я в Москве. Жил у Кипсы, но Зоя дома, на Щукина. Кардиограмма, анализ крови, визит доктора В. Г. Попова, – всё прошло с хорошим результатом. Дела мои тоже благополучны.

Первое – двухтомник. <...> книга пойдёт в производство только в января. Но зато типография – Первая образцовая. Хоть это! Моя статья о Симонове идёт в “Литературной России”. Сегодня явился ко мне человек из Мосфильма: будет снимать меня для какого-то документального фильма об актёрах и писателях 24-го.

Были у меня Любимов и Шуплецов.⁹⁹ По совету первого я всё-таки перестроил свою книгу избранных переводов, так что она теперь не «От Бодлера до Элюара», а «От Беранже до Элюара». Включены Беранже, Барбье и Гюго, последний – довольно солидно, целой тысячей строк.¹⁰⁰ <...>

Кипса – горячее, мужественное, по-своему героическое создание. Она успевает всё: много и при этом вполне результативно работать, «вести дом», воспитывать двух детей разного возраста (ибо Андрей в домашней обстановке, несмотря на свои 23 года, всё-таки дитя), много делать и для других: друзей и знакомых. Наконец, все эти дни я был для неё немалой нагрузкой. И всё она делает с беспечным, лёгким темпераментом, как-то играя, т.е. не через силу, без надрыва. А ведь уже не первой молодости: 43 года женщине, болезненно толстой, с неизлечимой болезнью глаз.

Художница-график из неё выработалась своеобразная и заметная. Так что работой в любимой области она обеспечена, и это положение укрепляется в издательствах «Детгиз» и “Художник”. Только что сдала серию открыток «Путешествие в страну сказок». Это давнишний её замысел. Делала на авось, совсем не уверенная в том, что работа будет принята. <...> Работу она сделала, но осталась почти на год без копейки денег, в долгах. Её шекспировские иллюстрации были даже где-то выставлены. Издательство «Культуры» присылало какую-то закупочную комиссию, но этим всё и кончилось. Хотя обещала та комиссия бог знает какие блага.

23 ноября

Ещё лёжа в больнице, я прочёл по французски несколько исторических романов М. Дрюона¹⁰¹ (по-русски переведены только два первых), и сейчас опять залпом читаю его современную трилогию. Это очень сильный писатель. Если его историческая серия в какой-то степени сравнима с Дюма, то вторая – разве что со Стендалем. С Бальзаком гораздо меньше, хотя аналогия с «Человеческой комедией» напрашивается. Он родился в 1918 г., на три года моложе Симонова. Симонов остаётся в наших условиях образцом работоспособности. Сколько успел сделать этот пятидесятилетний! Но Дрюон, кажется, сделал вдвое больше и тоже во всех жанрах (кроме поэзии). Тут уже общеевропейская способность, общеевропейский характер работы, её интенсивность, согласованность с ритмом жизни.

По содержанию, по основному тону всё это очень мрачно, беспросветно. Пессимизм не предвзятый, не философический, а прямо вытекающий из писательской честности.

В его пространных, ясных и всегда точных описаниях Парижа и провинции: жилищ, улиц, ночей, толпы, маскарада, охоты, похорон, кабака, – во всей этой образной системе есть черты символики, даже какой-то эмблематики, которая литературно дешевле символизма, но старше его. За той или другой подробностью описания, за каждым образом угадывается нечто более значимое. Манера, конечно, не новая, но она оказалась в его практике продуктивной. Её омолодил темперамент Дрюона. Вывод: у него можно многому научиться.

Первый современный роман. Переведён у нас под названием «Сильные мира сего». Совсем непохоже на оригинал, но, сказать по правде, я не знаю как перевести.

25 ноября

Может быть, моя оценка Дрюона преждевременна. Вот читаю последнюю часть трилогии «Конец людей». Слишком силён дурной запах порнографии. Интересно, что каждое прикосновение к гомосексуализму сопровождается в западном романе припадком снобистского эстетизма. Поздний отголосок Уайльда и Дориана Грея¹⁰². У Дрюона всё это выглядит изрядно пошло. Кабы ещё ирония, сарказм, так нет же! Серьёзно!

27 ноября

24-го, как мы условились, на Пахре были кинематографисты. Их 13 человек вместе с шофёрами. Три машины: автобус, Чайка и, кажется, ЗИМ для синхронной съёмки вместе со звуком. Это была целая фабрика, и в течении двух или трёх часов моя комната наверху была наводнена штативами фонарей, прожекторами, микрофонами и прочим.

Но зато и сняли всё, что возможно, на 450 метров. Тут и чтение стихов, и очень коротко о текущей работе, и демонстрация Зоиной скульптуры, и мои картины, и рассказ о портретах поэтов в моем кабинете, и наша прогулка с Зоей по участку. Всё это сделано в засол и впрок. Какая будет картина и вообще кому это нужно не известно. Я полагаю, это делается для архива. Дней через десять можно будет посмотреть снятое. 450 метров идут 15 минут.

Сегодня вечером идём к Симоновым. Ему исполняется пятьдесят лет.

30 ноября

Юбилей Симонова проходит на самом высоком уровне: в “Правде” – Конев, в “Известиях” – В. Кожевников, в “Литературной газете” – Р. Гамзатов, в “Литературной России” – я, в “Вечёрке” – Кривицкий. Костя говорит, что моя статья нравится ему больше всех. Не думаю, что это из вежливости.

Незачем и говорить, что он заслужил такой почёт. Не только как писатель, но и как деятель. Вот настоящий министр культуры! Вот настоящий секретарь ЦК по агитпропу! Если у нас когда-нибудь поймут по-настоящему, какие люди должны управлять этим развивающимся государством, тогда и коммунизм можно построить.

Но коммунизм есть частное следствие общего порядка и общего материального и духовного роста и благополучия. Объявить коммунизм главной целью развития – это значит развалить общество, сделать само общежитие людей невозможным.

<...> Любой театральный коллектив, включая в него не только актёров, но и весь вспомогательный состав вплоть до рабочих сцены, может быть коммуной. Само собою разумеется, что экипаж любого судна, коллектив любых зимовщиков, партия любых геологов уже и сейчас являются коммунами, хотя и не называются так.

Однако, колхозники никогда не были и не будут коммуной. Почему? Потому что на это не было никогда и нет до сих пор их сознательного решения, их выбора, их воли. Они согнаны в такой коллектив и при малейшей возможности каждый колхозник стремится выйти из него – куда угодно, хоть на фабричную каторгу.

Утописты XIX века мечтали о крестьянской общине. В их числе был и самый умный, самый прозорливый русский революционер, Герцен.¹⁰³ Это была роковая ошибка. Современный человек, кто бы он ни был, должен дорасти до коммуны, а это очень сложный, трудоёмкий, и в то же время – очень индивидуальный путь. Не всякому дано и, соответственно, не с всякого и спрашивается. Я знаю десятки и сотни людей, которым решительно противопоказано участие в общем коммунистическом хозяйстве, отказ от частной собственности. Надо ещё ждать несколько десятилетий, чтобы у этих субъектов родились и выросли внуки, и вот они-то и только они окажутся пригодными для коммунизма. Да и то, может случиться, они унаследуют характер дедов!

Словом, коммунизм должен возникнуть не в порядке государственного насаждения и принуждения, а совершенно наоборот: как течение встречное и по сути дела – антигосударственное, т.е. рядом с отменой государственной денежной системы внутри данной коммуны и прочими акциями, которые нетрудно предвидеть уже и сейчас.

В. Орлов обещает на днях том Марины, и очень скоро – том Заболоцкого (со «Столбцами», с «Торжеством земледелия»), а в 1966 году должен выйти Мандельштам.¹⁰⁴

1 декабря

Читаю Гюго, очень хорошо составленный монтаж: стихи, отрывки из дневников и т.д. Если бы эта книжка была у меня в руках в прошлом году, статья в «Путях поэтов» могла бы очень выиграть. Сейчас мне пришло в голову: не сесть ли за беллетризованную биографию Виктора Гюго для серии этих книг в “Молодой гвардии”. Работа большая и трудоёмкая, потребуются на неё много месяцев – полгода или больше!

Получил второе письмо от Юры Басихина. Первым своим письмом он сильно напугал нас сообщением о душевной болезни старшего брата: это уже второй раз с Сашей, первый раз было вскоре после войны. Саша остался инвалидом. У него нет одной ноги; он преподаватель математики в Саранске, в университете. Сейчас младший брат сообщает, что ему несколько лучше, буйный пароксизм миновал, есть надежда на полное выздоровление. Саша был ранен и выбыл с фронта тогда же, когда погиб его друг, мой Вова.

7 декабря

<...>... необходимо, чтобы правление СП поддержало требование относительно лифта на улице Щукина! Этот лифт стал важнейшим условием всей нашей нормальной

жизни. Дело тянется чуть ли не пять лет. Уже было условлено, что лифт поставят в первом квартале 66-го года (раньше шла речь о конце 65), но сейчас его отложили на третий квартал 66-го. Так всё у нас делается! Я думаю, что слово Михалкова¹⁰⁵ может в два счёта исправить положение.

12 декабря

Встретился с Лидией Михайловной Красногладовой – двухтомник действительно пошёл в производство. Установил с Кудрейко состав огоньковской книжки, и она идет внабор. Поговорил и с Михалковым и с Ильиным насчёт лифта: оба обещали сделать всё, что можно. <...> И, наконец, вместе с Зоей и Кипсой посмотрел фильм, снятый у нас 24/XI. Мы в восторге. Это очень волнующее для нас зрелище. Кажется, я выгляжу на экране неплохо. Читаю тоже хорошо, особенно о Маяковском.

На днях у меня был Саша Межиров, читал новые стихи, рассказывал интересные и как всегда страшноватые вещи. Он в хорошей форме, без признаков неврастения.

Были у меня ещё Л. И. Левин и Н. Любимов. Первый продолжает медлить с книгой обо мне и, сказать по правде, я вообще не слишком верю, что из такой книги выйдет толк. А Любимов принёс интересное известие: оказывается, в перспективном плане Гослита на 1970-й год намечен мой четырёхтомник – тот самый, который я ожидал в 1966-м году. Ничего не поделаешь! Лучше поздно, чем никогда. Для меня всё на свете опаздывает. Может быть, потому что я сам перегоняю время. <...>

14 декабря

У нас широко издается научная фантастика. Не успеваешь следить за нею. Но прочитав всё же порядочно, я вижу, насколько впереди идут американцы. Не потому, что их вещи «фантастичнее», не потому, что их фантастика «научнее», – нет, совсем по другим причинам, которые важнее и ближе к искусству, к реализму, к правде.

Для американцев прежде всего существует человек, его судьба, его трагедия (а также и комедия), его внутренний мир. Я имею в виду Брэдбери, но и другие, значительно менее одарённые, всё же не теряют из виду человека. У наших нет ничего похожего! Всё заменено и заслонено стремлением к оптимизму. При таком отношении вообще ничего решительно не может случиться стоящего в литературе. И сколько бы ни сияли в небе звёзды, сколько бы ни взлетали в бесконечность самые комфортабельные ракеты, всё равно кроме более или менее удачного туризма ничего не описывается. Даже у Стругацких¹⁰⁶, которые и талантливы и по-своему изобретательны и вообще одержимы самыми лучшими намерениями.

Мне приходит в голову, что с той минуты, когда оптимизм делается обязательной приправой, прощай, искусство! Враг номер один – оптимизм! Из этого не следует, что пессимизм – друг номер один. Одно другого стоит. Но ни то, ни другое не могут быть основами мировоззрения. Да что говорить! Необходимо раз и навсегда излечиться от этих двух прилипчивых болезней.

Станислав Лем, очень талантливый и живой писатель, иногда кажется заражённым болезнью «нашего» оптимизма. Но его спасает прелестный юмор, умение лепить характеры, т.е., в конечном счёте, внимание к человеку.

Вот я прочёл роман каких-то двух американцев «Операция Венера»¹⁰⁷ и убедился в том, что и у них где-то на литературном дне процветает своя и совершенно безудержная и бесшабашная халтура. Однако, халтура халтурой, а критика американского общества, свобода этой критики остаются в силе даже здесь, на этом низкопробном участке.

В который раз убеждаешься в печальной и неизбежной истине. О, дайте, дайте мне свободу – всё остальное приложится с мгновенной силой и отдачей.

20 декабря

<...> Получил от Л. И. Славина¹⁰⁸ довольно интересную книжку «Портреты и записки». Первая часть – странички воспоминаний о Багрицком, Олеше, Ильфе, Платонове, Кольцове и др. Есть хорошие, достоверные куски и подробности. Дальше идут записки о последних днях войны в Берлине и о Польше. Также получил от Велле очерки о Сопротивлении во Франции (ещё не раскрыл их) и, наконец, чрезвычайно интересную книгу Халифмана «МУРАВЬИ». <...> Халифман живёт всего зиму здесь, в нашем посёлке, у кого-то снимает времянку. Внешне скромнейший и, по-видимому, не слишком счастливый человек. Публикация книг даётся ему нелегко, несмотря на давнишнюю Сталинскую премию за пчёл. Издательство «Молодая гвардия» всячески издевается над этим бедным евреем...

Его «Муравьи» поражают воображение фантастическим разнообразием выдумки, которую обнаруживает сама природа. Казалось бы, сколько излишних ухищрений и усложнений, чтобы размножился и процветал этот зоологический вид! Сколько опосредствованных связей со всей окружающей природой леса или пустыни! Сколько ещё нераскрытых тайн и загадок! И сколько уже положено труда и изобретательности на изучение муравьёв! Мало сказать, что всё это увлекательно! Халифман – отличный, образцовый популяризатор.

23 декабря

Сегодня были у меня редактор Красноглядова (первый том уже вычитан корректором), художественный редактор Боярский и художник Максин с готовым оформлением, которое я тут же с большим восторгом утвердил. Может быть, это лучшее из оформлений всех моих книг за 50 лет. Художник сделал то самое, о чём я мечтал: на чёрных форзацах изображения рабов Микеланджело – в I томе и Ники Самофракийской¹⁰⁹ – во II томе. Не очень понял, в чём состоит техника этих изображений, как-то преобразена и упрощена фотография. Это только приём, только техника воспроизведения фотографического снимка, но получается очень интересно. Переплёт тоже неплох. Материал – так называемый модерн, имитация ткани, полотна. Книги идут в Сытинскую типографию (первую образцовую) и, кажется, (так говорят товарищи) к маю-июню они выйдут. После всех тревог, волнений и урезаний наступает ясный день. Договор я уже подписал. Я не стал внимательно вчитываться в него, но тираж – 25 тысяч, это важно.

От Володи Орлова получил МАРИНУ ЦВЕТАЕВУ в “Библиотеке поэта”. 800 страниц.

28 декабря

Третьего дня умерла Ася Орочко¹¹⁰ от страшнейшей на свете болезни в самой её тяжёлой форме – от рака. Я знаю её пятьдесят лет – с 1916 года, когда она пришла в Мансуровскую студию студенткой сельскохозяйственной академии в Петровско-Разумовском. Она – дочь старого народовольца, рослая, неуклюжая, сгорбленная девица. Да, такой она была тогда. Но Вахтангов с первого взгляда сумел разглядеть в ней актрису, да ещё не какую-нибудь, а героиню! И его прогноз оказался правильным.

Правда, она нелегко прожила свою театральную жизнь. После замечательного успеха в «Турандот» в самом начале пути настоящих радостей и удач у неё никогда уже не было. Она поддавалась всем или множеству дурных влияний и плохо слушала настоящих друзей. Но сейчас, когда эта большая и трудная жизнь окончилась, незачем вспоминать такие подробности. Потому что главное в Асе Орочко было замечательным и самобытным, особенно прекрасный для театра низкий и грудной голос.

А в 1918 году она играла главную роль в моей пьесе «Обручение во сне», изображала циркачку Эстреллу, делила со всеми нами успех этого представления и его провал¹¹¹.

Но воспоминания о ней разбегаются в разные стороны, их трудно собрать, сконцентрироваться на главном невозможно. Слишком велик срок в пятьдесят лет. Вот ещё о чём приходится непрерывно помнить. Все мы находимся у переднего края старости. И чем дальше, тем чаще и плотнее ложатся пули с той, другой, таинственной стороны, тем гуще эта стрельба. Как мало осталось сверстников! Я не говорю уже о тех, кто был моложе и всё-таки ушёл раньше нас.

Читая книжку Марины Цветаевой, я опять погружаюсь в мрачную, несчастную, свинцовую темень размышлений: о гибели, о ненадёжности всего, что окружает. Уж на что, кажется, была полна жизненных сил Марина, как мало в ней было обречённости, как ничтожно мало трагизма. И вот её судьба: сплошной ужас, сплошная неудачливость, и в крупном, жизненном и особенно в мелком, житейском. Счастье высокого и чистого дарования, как всегда, не в счёт. Потому что оно само по себе никогда не является наградой, наоборот ждёт награды и почти никогда, за исключением редчайших случаев, её и в глаза не видит. <...>

А с Асей Орочко у меня была короткая вспышка дружбы и сердечной близости не то в 19-м, не то в 20-м году. Употребив силу и особую сноровку, она всё-таки сняла у меня с пальца левой руки чёрное железное кольцо, которое подарила мне Марина¹¹². Так что, если уж вспоминать главное, то вот оно и проявилось здесь, как бледный выцветший негатив моментального, неудачного снимка... такой давности... такой безнадёжной давности!

29 декабря

В книге Марины есть вещи, которых я никогда не читал и не знал: трагедия «Ариадна», поэма «Красный конь», отдельные стихи, в их числе и юношеские, но большинство я очень хорошо знаю, помню, а со стихами 18-19 гг. к тому же много связано. Но многого в книге нет, к сожалению. Из юношеских, например, таких важных, как «Княжна Джаваха», «Орлёнок»... Конечно, нет так называемых контрреволюционных стихов, хотя никакой контрреволюции в них не имеется. Нет стихов, посвящённых мне:

«Дарю тебе железное кольцо», «И я вошла и я сказала: здравствуй...». Зато есть стихи Завадскому¹¹³, Соне Голидей¹¹⁴. Ранние пьесы «Метель» и «Приключение» (с Казановой) я читал когда-то и по-прежнему они не слишком нравятся мне: это ещё не театр, но уже не поэзия (её самой, Марины). Зато «Ариадна» очень замечательна. Здесь нет и тени соотнесения с какой бы то ни было современностью, и В. Орлов неправ, сравнивая её античность с Жироду¹¹⁵ или Ануйем¹¹⁶. Самое главное и по-своему замечательное, что и Посейдон, и Афродита, и сам Дионис (Вакх) остаются для автора живыми реальностями не только поэзии, но и веры, убеждения.¹¹⁷ Только поэтому и правдива её трагедия: в ней нет стилизации. «Крысолов» и «Поэма конца» грандиозны! К сожалению, в «Крысолове» несколько строк погибли; конечно, и эти тоже:

В той стране, где шаги широки
Назывались мы больше...
Больше сил моих нет...

А ведь в них нет ничего порочного и порочающего. Идеальный смысл поэмы ясен и бесспорен. Я думаю, что можно и должно печатать всю вещь целиком, без этих вымарок. Но вот кого убеждать в этом?!. Книга вышла. Тираж 40 тысяч. Конечно, это бессовестно мало, но хотя бы и так! Всё-таки она попадёт во многие руки, на многие рабочие столы и книжные полки. Это значит, что Марина Цветаева вошла в советскую поэзию навсегда и уже не исподтишка, не из-под полы, а вполне легально. И это начало её новой жизни и продолжение её нелёгкой судьбы, её пути.

Сущность Марины, как я теперь понимаю, была в том, что она никогда не переставала сама себе удивляться. Что ж, это означает только одно: она стояла собственного удивления. Только не надо путать удивление с восторгом и восхищением. Нет! Она и не всегда нравилась себе (в общепринятом смысле слова). Но удивлялась собственной странности, необычайности в любом отношении: в простом житейском, в какой-то фатальной неустроенности, в любви, в резкости переходов и перемен и т.д.

Единственное, чему она не удивлялась – вечной готовности работать, созидать, писать. Это была самая простая для неё потребность, самая естественная функция.

Комментарии

---

¹ Уэллс, Герберт Джордж (1866-1966) – английский писатель-фантаст, публицист, журналист, автор известных научно-фантастических романов «Машина времени» (1895), «Человек-невидимка» (1897), «Война миров» (1897).

² Макбет – персонаж одноименной пьесы У.Шекспира, любимого автора в семье Антокольских. Герои пьес Шекспира – персонажи как скульптурных композиций З.К.Бажановой, так и поэтических и художественных произведений П.Г.А.

³ Гонкур, Жюль де (1830-1870) и Эдмонд (1822-1896) – братья, французские прозаики, историки, романисты, литературные критики, мемуаристы. По завещанию Э. Де Гонкура в 1900 году были учреждены Общество братьев Гонкур и самая престижная литературная премия Франции – Гонкуровская премия – за лучший роман.

⁴ Бодлер, Шарль Пьер (1821-1867) – французский поэт, переводчик, эссеист, критик, основоположник эстетики символизма, повлиявший на развитие всей последовавшей европейской поэзии.

⁵ Песис Борис Аронович (1901-1974) – критик, автор трудов о французской литературе, переводчик с французского.

⁶ Румянцев Алексей Матвеевич (1905-1993) – экономист, академик АН СССР. В 1964-1965 годах – главный редактор газеты «Правда»; был снят с поста из-за недовольства Л.И.Брежневым его статьёй «Партия и интеллигенция».

⁷ Абалкин Николай Александрович (1906-1986) – литературовед, критик, журналист. В течение многих лет был зам. гл. редактора газеты «Правда», возглавлял отдел литературы и искусства. Речь идет о его негативном отзыве на фильм «Председатель» (сценарий Ю.М.Нагибина), премьеры которого состоялась 28 декабря 1964 г.

⁸ Левин Лев Ильич (1911-1998) – литературный критик, поэт, драматург. Автор книги о жизни и творчестве П.Г.А. См. *Л.Левин. Четыре жизни: Хроника трудов и дней Павла Антокольского. М.: Сов. писатель, 1969; 2-ое издание – 1979.* Один из составителей сборника *Воспоминания о Павле Антокольском. М.: Сов. писатель. 1987.*

⁹ Межиров Александр Петрович (1923-2007) – поэт, историк, педагог; ученик П.Г.А. Участник ВОВ, входил в группу поэтов-фронтовиков, которую называли «фронтной обложкой» советской поэзии.

¹⁰ Вознесенский Андрей Андреевич (1933-2010) – по образованию архитектор, впоследствии – поэт, публицист и художник. Принадлежал поколению «шестидесятников» или «детей XX съезда», ознаменовавшегося либерализацией общественной жизни».

¹¹ Солодарь Цезарь Самойлович (1909-1992) – поэт, прозаик, драматург, публицист.

¹² Дон Кихот и Санчо Панса – рыцарь и его оруженосец – главные персонажи романа Мигеля де Сервантеса Сааведры (1547-1616) «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский», одного из самых популярных произведений мировой литературы.

¹³ Доре, Поль Гюстав (1832-1883) – французский гравёр, иллюстратор и живописец, автор знаменитой серии иллюстраций к роману «Дон Кихот» (1863).

---

¹⁴ Евтушенко Евгений Александрович (1932-2017) – поэт, общественный деятель; известен также как прозаик, сценарист, публицист, актер, кинорежиссер; ученик П.Г.А.. Жил и работал в СССР, США, России. Галина Семеновна Сокол (1933-2013) – вторая жена Е.А.Евтушенко. Принадлежали поколению «шестидесятников».

¹⁵ Маяковский Владимир Владимирович (1893-1930) и Есенин Сергей Александрович (1895-1925) – выдающиеся русские поэты XX века, получившие при жизни мировую известность и возможность увидеть Запад – Германию, Францию, Америку.

¹⁶ Моруа, Андре (имя при рожд. Эмиль Саломон Вильгельм Эрзог; 1885—1967) – французский прозаик, мастер биографического жанра и короткого психологического рассказа.

¹⁷ Бретон, Анри (1896-1966) – французский поэт, прозаик, основоположник сюрреализма.

¹⁸ Уитроу, Джеральд Джеймс (1912-2000) – математик, астрофизик, историк, философ. «Естественная философия времени» – его наиболее известный труд по проблеме времени.

¹⁹ Минковский, Герман (1864-1909) – немецкий математик, предложивший четырёхмерную математическую модель кинематики теории относительности. Его книга «Пространство и время» (1909) оказала влияние на формирование теории относительности А.Эйнштейна.

²⁰ Ньютон, Исаак сэр (1642 – 1727) – английский математик, астроном, физик.

²¹ Апполинер, Гийом (имя при рожд. – Вильгельм Альбер Владимир Аполлинарис де Важ-Костровицкий; 1880-1918) – французский поэт, один из наиболее влиятельных представителей европейского авангарда начала XX века.

²² Лиль, Шарль Мари Рене Леконт де (1818-1894) – французский поэт, глава Парнасской школы, т.е. группы поэтов, противопоставивших себя романтизму.

²³ Декарт, Рене (1596-1650) – французский философ, математик, физик, механик, физиолог, создатель аналитической геометрии и современной алгебраической символики.

²⁴ Лордкипанидзе Константин Александрович (1904-1986) – грузинский писатель.

²⁵ Маргвелашвили Георгий Георгиевич (1923- 1989) – грузинский критик, литературовед, переводчик.

²⁶ Козаков Юрий Павлович (1927-1982) – прозаик.

²⁷ Василий Павлович Аксенов (1932-2009) – прозаик, драматург, сценарист, переводчик, педагог, принадлежал поколению шестидесятников. В 1980 г. лишен советского гражданства; жил в эмиграции (США, Франция)..

²⁸ Апдайк, Джон Хойер (1932-2009) – американский поэт, прозаик, эссеист.

²⁹ Фрейд, Зигмунд (1856-1939) – австрийский невролог и психиатр, основатель психоанализа. Его новаторская теория психики человека оказала значительное влияние на гуманитарную науку, литературу и искусство XX века. В СССР до «перестройки» трудов Фрейда не публиковали. П.Г.А. не был знаком с его теорией и высказывает бытовавшее в те годы мнение, свидетельствующее об общей неосведомленности.

³⁰ Вергилий Марон, Публий (70-19 до н.э.) и Кар, Тит Лукреций (99-55 до н.э.) – поэты Древнего Рима.

³¹ Сологуб Федор Кузьмич (1863-1927) – поэт, прозаик, драматург, публицист, представитель символизма.

³² Гатов Александр Борисович (1899-1972) – литературовед, поэт, переводчик..

---

³³ Алексеев Михаил Николаевич (1918-2007) – прозаик. С 1965 г. член правления СП РСФСР, с 1967 г. – правления СП СССР. Главный редактор журнала «Москва» (1968).

³⁴ Гровс, Лесли (1896-1970) – генерал-лейтенант армии США, в 1942–1947 годах военный руководитель американской программы по созданию ядерного оружия (Манхэттенский проект).

³⁵ Опенгеймер, Роберт (1904-1967) – американский физик-теоретик, один из создателей атомной бомбы.

³⁶ Ферми, Энрико (1901–1954) – итальянский физик, один из создателей атомной бомбы).

³⁷ Тартюф или Обманщик – персонаж пьесы французского актера, режиссера и драматурга Жана Батиста Поклена (театральный псевдоним – Мольер; 1622-1673).

³⁸ Блантер Матвей Исаакович (1903-1990) – композитор, автор многих советских шлягеров: «Катюша» (сл. М. Исаковского, 1938), «Моя любимая» (сл. Е.Долматовского, 1942), «Песня военных корреспондентов» (сл. К.Симонова, 1944) и др.

³⁹ Цветаева Марина Ивановна (1894-1941) – поэт, прозаик, переводчик; относится к выдающимся поэтам XX века.

⁴⁰ Эфрон Ирина (1918-1920) – младшая дочь М.И.Цветаевой, умерла от голода в Кунцевском приюте в Москве.

⁴¹ Михайлов Александр Алексеевич (1922-2003) – литературовед, критик, педагог; доктор филологических наук.

⁴² Щипачёв Степан Петрович (1898-1980) – поэт; член правления СП СССР, председатель секции поэтов; много лет представлял советскую писательскую общественность за рубежом.

⁴³ Агитпроп – название отдела агитации и пропаганды при ЦК КПСС и местных комитетах КПСС в СССР.

⁴⁴ Демичев Пётр Нилович (1918-2010) – советский государственный и партийный деятель, секретарь ЦК КПСС (1961-1974), кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС (1964-1988), министр культуры СССР (1974-1986).

⁴⁵ Карякин Юрий Фёдорович (1930-2011) – литературовед, прозаик, публицист, общественный деятель; исследователь творчества Ф.М.Достоевского.

⁴⁶ «Кощей», «Коммуна 1871 года» и «В переулке за Арбатом» – поэмы П.Г.А. См. *Павел Антокольский. Избранные произведения в двух томах. М.: Художественная литература. 1986. Сс. 206-225, 348-365 (т. I); с.с. 87-144 (т. II).*

⁴⁷ Лазарева Надежда Макаровна – мать Б.А.Ахмадулиной, переводчица, майор КГБ.

⁴⁸ Иппонийский, Аврелий Августин (также именуемый Августин Блаженный; 354-430 н.э.) – философ, богослов, проповедник, один из Отцов христианской церкви. Его «Исповедь» (397-398 н.э.) около тысячелетия служила литературным образцом для христианских писателей.

⁴⁹ Есипова Раиса Давыдовна (1906-1994) – актриса театра и кино.

⁵⁰ «Война и мир» – киноэпопея в 4-ёх частях, экранизация романа Л.Н.Толстого с участием ведущих актёров (1965-1967). Самая высокобюджетная картина в истории советского кинематографа, включающая масштабные батальные сцены и новаторскую панорамную съёмку полей сражения.

⁵¹ Миронова Мария Владимировна (1911-1997) – актриса театра, кино и эстрады.

---

⁵² Бондарчук Сергей Фёдорович (1920-1994) – актёр, кинорежиссёр; режиссёр киноэпопеи «Война и мир».

⁵³ Герасимов Сергей Аполлинариевич (1906-1985) – актёр, кинорежиссёр, сценарист, педагог; один из самых авторитетных деятелей советского кинематографа.

⁵⁴ Беспощадный Павел Григорьевич (1895-1968) – украинский поэт.

⁵⁵ Кассиль Лев Абрамович (1905-1970) – прозаик, сценарист; детский писатель.

⁵⁶ Ключевский Василий Осипович (1841-1911) – историк, профессор Московского университета, академик Императорской Академии наук по истории и русским древностям (1900).

⁵⁷ Никон (светское имя Никита Минов; 1605-1681) – монах, с 1652 года патриарх, глава Русской православной церкви.

⁵⁸ Тишайший Алексей I Михайлович (1629-1676) – второй русский царь из династии Романовых.

⁵⁹ Ордун-Нащокин Афанасий Лаврентьевич (1605-1680) – политик, дипломат в годы царствования царя Алексея Тишайшего.

⁶⁰ Петр I Алексеевич (Великий) (1672-1725) – сын царя Алексея Михайловича и его второй жены Н.К.Нарышкиной; царь (с 1682) и первый Император Всероссийский (с 1721), один из наиболее выдающихся государственных деятелей, определивших направление развития России в XVIII веке..

⁶¹ Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826-1889) – прозаик, журналист, руководитель и редактор журнала «Отечественные записки» (1868-1884), Рязанский и Тверской вице-губернатор.

⁶² Щербина Николай Федорович (1821-1869) – поэт, сатирик.

⁶³ Дюма, Александр отец (1802-1870) – французский писатель, драматург и журналист. Автор двух самых популярных романов французской литературы – «Граф Монте-Кристо» и «Три мушкетёра».

⁶⁴ Калиостро, Алессандро (имя при рожд. – Джузеппе Балсамо; 1743-1795) – алхимик, мистик и авантюрист.

⁶⁵ Людовик XV (1710-1774) — король Франции из династии Бурбонов. Его правление связано с расцветом французской культуры, эпохой рококо.

⁶⁶ Шторм Георгий Петрович (1898-1978) – прозаик, историк литературы, автор историко-биографических романов.

⁶⁷ Радищев Александр Николаевич (1749-1802) – государственный деятель, секретарь Сената; прозаик, автор знаменитой книги «Из Петербурга в Москву», обличавшей деспотизм и крепостничество и содержавшей республиканскую программу переустройства царской России. Книга была запрещена вплоть до 1905 года.

⁶⁸ Фейнберг Илья Львович (1905-1979) – литературовед, автор трудов о жизни и творчестве Пушкина; друг П.Г.А.

⁶⁹ Жадова Лариса Алексеевна (1927-1981) – искусствовед, исследователь советского авангарда; дочь военачальника А.С.Жадова (1901-1977) и вдова поэта С.П. Гудзенко (1922-1953).

⁷⁰ Голикова-Бажанова Мария Васильевна – тетья З.К.Бажановой по матери.

⁷¹ Стендаль (имя при рожд. Мари-Анри Бейль; 1783-1842) – французский прозаик, один из основоположников психологического романа.

---

⁷² Пруст, Валентен Луи Жорж Эжен Марсель (1871-1922) – французский прозаик, новеллист, критик, представитель модернизма в литературе. Его эпопея «В поисках утраченного времени» – одно из самых значительных произведений литературы XX века.

⁷³ Санд, Жорж (имя при рожд. Амандина Аврора Люсиль Дюпен; 1804-1876) – французская писательница.

⁷⁴ Меримé, Проспér (1803-1870) – французский прозаик, драматург, переводчик; популяризатор русской литературы во Франции.

⁷⁵ Виноградов Анатолий Корнелиевич (1888-1946) – прозаик, переводчик французской литературы; исторический романист и писатель-биограф: «Байрон» (ЖЗЛ, 1936), «Стендаль и его время» (ЖЗЛ, 1938) и др.

⁷⁶ Барбье, Анри-Огюст (1805-1882) – поэт, драматург; принадлежал к школе романтизма.

⁷⁷ Синявский Андрей Донатович (лит. псевдоним Абрам Терц; 1925-1997) – российский писатель, литературовед, критик. Был осуждён по обвинению в антисоветской пропаганде и агитации (1966). П.Г.А. входил в группу писателей, ходатайствовавших об освобождении А.Д.Синявского и Ю.М.Даниэля («письмо 63-х»).

⁷⁸ Тарсис Валерий Яковлевич (1906-1983) – прозаик, переводчик, канд. филологических наук. Переправил в Англию свои рукописи (1961). Лишён гражданства СССР и с 1966 жил в ФРГ, Швейцарии.

⁷⁹ Шуплецов Борис Всеволодович (1912-1983) – переводчик, редактор издательств «Иностранная литература» и «Прогресс».

⁸⁰ Тарле Евгений Викторович (имя при рождении Тárле Григорий Вигдорович; 1874-1955) – советский историк, специалист по русской и французской истории, педагог, академик АН СССР (1927). Наибольшую популярность получили его книги «Наполеон» (ЖЗЛ, 1936), «Талейран» (ЖЗЛ, 1939). П.Г.А. заблуждался, утверждая, что Тарле француз. Тарле происходил из еврейской семьи, в которой было много знатоков и толкователей Талмуда.

⁸¹ Царь Николай II Александрович (1868-1918) – последний русский император (1894-1917). Отрекся от престола. Расстрелян вместе с семьей в Екатеринбурге (по версии принятой в СССР и существующей в России до настоящего времени).

⁸² Мережковский Дмитрий Сергеевич (1816-1941) – поэт, прозаик, критик, переводчик; представитель Серебряного века, один из основателей русского символизма..

⁸³ Гёгел, Геóрг Вильгéльм Фрídрих (1770-1831) – немецкий философ, один из основателей немецкой классической философии, чьё учение о диалектике считается высшим её достижением.

⁸⁴ Маркс, Карл Генрих (1818 – 1883) — немецкий философ, социолог, экономист, писатель, общественный деятель; основоположник марксизма, автор теорий прибавочной стоимости и классовой борьбы.

⁸⁵ Антокольская-Броуде Мария Григорьевна (1897-1981) и Антокольская Надежда Григорьевна (1901-1985) – родные сестры П.Г.А.

⁸⁶ 1937-ой, 1949-ый, 1953-ий годы в СССР памятли вспышками репрессий – жестоких, незаслуженных, осуществлявшихся по ложным обвинениям, приведших к ранним смертям одних и моральной сломленности и страху – других.

⁸⁷ Свидригайлов Аркадий Иванович – персонаж романа Ф.М.Достоевского “Преступление и наказание». Его сны-кошмары предвосхищали надвигающуюся личную катастрофу.

---

⁸⁸ Косолапов Валерий Алексеевич (1910-1982) – редактор, литературный критик, директор издательства «Художественная литература».

⁸⁹ Солженицын Александр Исаевич (1918-2008) – русский советский математик, педагог, впоследствии – выдающийся писатель, публицист, историк, общественный и политический деятель XX столетия. Репрессирован (1945), реабилитирован (1957). Лауреат Нобелевской премии по литературе (1970). За выступления против политического строя СССР был лишен советского гражданства (1980). Жил и работал в СССР, Швейцарии, США, России.

⁹⁰ Орфей – персонаж древнегреческой мифологии: легендарный певец и музыкант, олицетворяющий могущество искусства.

⁹¹ Все персонажи – герои древнегреческой и древнеримской мифологии: Харон – перевозчик душ умерших через реку Стикс в подземное царство мертвых; Цербер (или Кербер) — трёхголовый ядовитый пёс, охранявший выход из царства мёртвых; Плутон – бог смерти; Прозерпина (или Персефона) – дочь громовержца Зевса, унесенная восплавающим к ней любовью Плутоном в его подземное царство; Сизиф – самый коварный царь Греции, приговорённый богами после смерти вкатывать на гору тяжёлый камень, который, едва достигнув вершины, скатывался вниз, Тантал – царь, возгордившийся и оскорбивший богов, за что был низвергнут Зевсом в ад, где обречён на вечные муки.

⁹² Эвридика – в древнегреческой мифологии лесная нимфа, жена Орфея.

⁹³ Кёппен, Вольфганг Артур Рейнгольд (1906–1996) – немецкий писатель.

⁹⁴ Жапризо, Себастьян (имя при рождении Жан-Батист Росси; 1931-2003) – французский писатель, автор популярных остросюжетных романов, киносценарист, кинорежиссёр.

⁹⁵ Чуковский Николай Корнеевич (1904-1965) – прозаик, переводчик, сын К.И.Чуковского.

⁹⁶ Грин Александр Степанович (фамилия при рожд. – Гриневский; 1880-1932) – прозаик, поэт, представитель неоромантизма.

⁹⁷ Андреев Леонид Николаевич (1871-1919) – прозаик, представитель Серебряного века русской литературы, родоначальник русского экспрессионизма; Белый Андрей (наст. имя Бугаев Борис Николаевич, 1880-1934) – прозаик, поэт, критик, мемуарист, один из ведущих деятелей русского символизма и модернизма; Куприн Александр Иванович (1870-1938) – прозаик, переводчик, журналист; Гусев-Оренбургский Сергей Иванович (1867-1963) – священник, отказавшийся от сана и посвятивший себя литературе, прозаик; Сергеев-Ценский Сергей Николаевич (1875-1958) – прозаик; Арцыбашев Михаил Петрович (1878-1927) – прозаик, драматург, публицист; Савинков Борис Викторович (литературный псевдоним – В. Ропшин, 1879-1925) – прозаик, политический деятель, один из лидеров партии эсеров, участник Белого движения.

⁹⁸ Выражение П.Г.А. «целое поколение сгорело на трагедии 1905 года» означает, что необычайно много молодых людей ушли в революцию и погибли.

⁹⁹ Любимов Николай Михайлович (1912-1992) – переводчик, редактор издательств «Иностранная литература» и «Прогресс».

¹⁰⁰ Беранже, Пьер-Жан де (1780-1857) – французский поэт и сочинитель песен, сатирик. П.Г.А. был одним из поэтов, переведивших стихи Беранже на русский язык.

¹⁰¹ Дрюон, Морис Самюэль Роже Шарль (1918-2009) – французский прозаик, министр культуры Франции (1973-1974).

¹⁰² Уайльд, Оскар Фингал О’Флаэрти Уиллс (1854-1900) – английский философ, поэт, прозаик, эссеист, ключевая фигура европейского модернизма..

---

¹⁰³ Герцен Александр Иванович (1812-1870) – публицист, писатель, педагог. Критиковал официальную идеологию и политику Российской империи XIX века, сторонник революционных буржуазно-демократических преобразований.

¹⁰⁴ До XX съезда КПСС и наступления в СССР «идеологической оттепели» партийное руководство страны считало этих поэтов неблагонадежными, недостойными быть представленными советскому читателю: М. И. Цветаева семнадцать лет провела в эмиграции, О.Э. Мандельштам и Н.А.Заболоцкий в годы сталинских репрессий отбывали наказание в лагерях по обвинению (вымышленному) в контрреволюционной деятельности. Издание книг этих авторов в Большой серии Библиотеки Поэта означало их посмертное признание властями и их официальное вступление в русскую литературу. Заболоцкий Николай Алексеевич (1903-1958) – поэт, крупнейший переводчик грузинской поэзии; Мандельштам Осип Эмильевич (1891-1938) – один из выдающихся русских поэтов XX века, прозаик, переводчик, эссеист, критик, литературовед.

¹⁰⁵ Михалков Сергей Владимирович (1913-2009) – писатель, поэт, баснописец, драматург; общественный деятель, автор гимна СССР и затем – России. Был председателем Союза писателей РСФСР и международного сообщества писательских союзов; лауреат многих премий.

¹⁰⁶ Стругацкие Аркадий Натанович (1925-1991) и Борис Натанович (1933-2012) – прозаики, сценаристы, классики современной русской научной фантастики.

¹⁰⁷ «Операция Венера» («Торговцы космосом») – научно-фантастический роман американских писателей Пола Фредерика (1919-2013) и Сирила Майкла Корнблата (1923-1958).

¹⁰⁸ Славин Лев Исаевич (1896-1984) – прозаик, сценарист, драматург, журналист. В своей книге «Портреты и записки» рассказывает о писателях Багрицком Э.Г. (1885-1934), Олеше Ю.К. (1899-1960), Ильфе И.А. (1897-1937), Платонове А.П. (1899-1951), Кольцове М.Е. (1898-1940).

¹⁰⁹ Ника Самофракийская (II век до н.э.) – древнегреческая мраморная скульптура богини Ники. Стояла на острове Самотраки на отвесной скале над морем, найдена французским консулом и археологом-любителем Шарлем Шампуазо (1863). В наст. вр. находится в музее Лувра в Париже.

¹¹⁰ Орочко Анна Алексеевна (1898-1965) – актриса театра и кино, режиссер, педагог. В годы юности, как и П.Г.А., входила в труппу мансуровской студии руководимой Е.Б. Вахтанговым, впоследствии актриса Театра им. Е.Б.Вахтангова.

¹¹¹ Спектакль «Обручение во сне» по пьесе «Кот в сапогах или обручение во сне» был хорошо принят зрителями. Сохранилось письмо Е.Б.Вахтангова, адресованное П.Г.А. и свидетельствующее о его благоприятном впечатлении об этом поставленном студийной молодёжью спектакле (*РГАЛИ. Ф. 1010, оп.3, ед. хр. 59*). Провала, как утверждает П.Г.А., не было, просто в бурные революционные годы пьеса оказалась неактуальной. См. *Павел Антокольский. Далеко это было где-то... М.: Дом-музей Марины Цветаевой. 2010.*

¹¹² В 1918 году в знак дружбы М.И.Цветаева подарила П.Г.А. старинное немецкое чугунное с золотом кольцо. Сохранился портрет П.Г.А., написанный Ю.А. Завадским, с этим кольцом на правом безымянном пальце. Подарок Цветаевой сопровождался стихами «Дарю тебе железное кольцо/ Бессонницу, восторг и безнадежность...».

¹¹³ Завадский Юрий Александрович (имя при рождении Георгий; 1894-1977) – актёр, режиссер, художник, педагог, друг П.Г.А. Поставленные им в студии Е.Б. Вахтангова спектакли по пьесам П.Г.А. «Кукла инфанты» и «Кот в сапогах или Обручение во сне» – первые его самостоятельные режиссерские работы.

¹¹⁴ Голлидэй Софья Евгеньевна (1894-1934) – актриса театра, чтица. В 1916-1919 г.г. входила в труппу студии руководимой Е.Б. Вахтанговым.

¹¹⁵ Жироду, Ипполит Жан (1882-1944) – французский дипломат, новеллист, драматург.

---

¹¹⁶ Ануй, Жан Мари Люсьен Пьер (1910-1987) – французский драматург, сценарист

¹¹⁷ Герои древнегреческой мифологии: Посейдон – бог морей, Афродита – богиня красоты и любви, Дионис – бог виноделия.